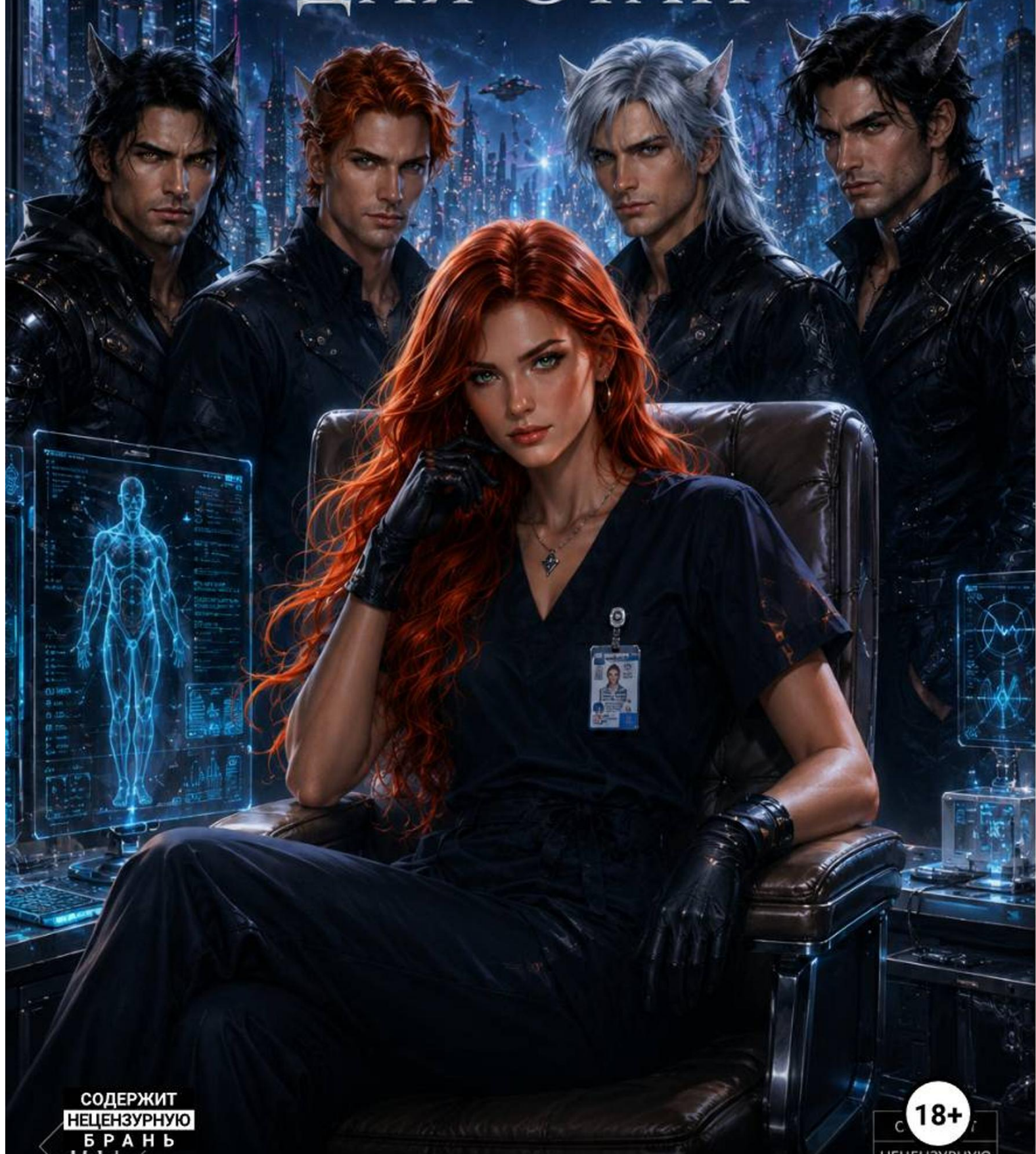

КНИГА 1

ИСКРА ДЛЯ СТАИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

АМАУРИ ШАДОУ

Amaury Shadow

Искра для стаи

«Автор»

2026

Shadow A.

Искра для стаи / А. Shadow — «Автор», 2026

Мириэль Валенс оказывается в далёкой звёздной системе АэлТар, где эларийское общество живёт по законам стай, древних инстинктов и строгих традиций. Землянки здесь считаются шансом на будущее расы, но вместе с защитой часто получают контроль, страх и потерю права на собственный выбор. Мириэль не готова смириться с ролью красивой ценности. Она врач, носительница редкого дара Визаря и женщина с характером, который слишком плохо сочетается с чужими правилами. Пятеро мужчин её стаи готовы защищать её от всего мира. Но им придётся понять: Мириэль не нужно спасать от собственной силы. Ей нужно, чтобы рядом с ней научились идти, а не решать за неё. Любовь, политика, дворцовые интриги, медицинские тайны, борьба за права женщин, дети новой крови и война старого мира против будущего — первая книга серии «Межзвёздные узы» рассказывает о женщине, которая стала искрой для целой цивилизации.

© Shadow A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Amaury Shadow

Искра для стаи

Глава 1

Мириэль.

Я не плакала на похоронах матери.

Не потому, что не было больно. Боль была такой плотной, что слёзы казались чем-то почти оскорбительным, неспособным вместить то, что происходило внутри. Тело будто понимало: если я сейчас позволю себе треснуть, собрать меня обратно уже не выйдет.

Ветер тянулся по кладбищу холодными пальцами, шевелил края чёрного пальто и нёс запах мокрой земли и металла. Лица людей под мемориальным куполом отражались в прозрачных панелях — бледные, смазанные, далёкие. Я смотрела, как по стеклу ползут капли дождя, и пыталась уловить хоть что-то, кроме глухого, выжженного чувства внутри. Не получалось.

Священник говорил — очень мягко, очень правильно, очень бесполезно. О том, что конец — это не конец. О памяти, которая остаётся. О душе.

Я сцепила пальцы так, что ногти впились в ладони, и думала только об одном: мама больше никогда не откроет мне дверь. Не скажет, что я слишком худая. Не заставит меня съесть суп. Не закатит глаза, когда я в третий раз за вечер налью себе кофе. Не посмотрит этим усталым, всё понимающим взглядом, от которого мне всегда становилось чуть легче.

Мама больше никогда не будет рядом.

Мир должен был треснуть по швам.

Он не треснул. Люди вокруг меня просто ждали, когда церемония закончится. Автоматические лампы мягко светились. Где-то за куполом, над мокрыми крышами города, с тихим свистом уходили вверх флаи.

— Мириэль. — Сбоку тронули за локоть.

Тётя Элис, которую я видела раз в несколько лет, заглядывала мне в лицо с сочувствием, от которого хотелось выть. Рядом уже переминался её муж, заранее готовый сказать что-нибудь ужасно неловкое.

— Ты должна поесть, — прошептала тётя. — Ты совсем белая.

Я почти рассмеялась.

— Позже, — выдавила я.

— Ты не одна, милая. Мы рядом.

Ложь. Привычная, вежливая, добрая ложь. Никто не был рядом. Все просто ждали, когда это официально закончится, чтобы уехать домой и вернуться к нормальной жизни. У меня такой жизни больше не существовало.

Я снова повернулась к капсуле прощания. Мамино лицо было спокойным, руки сложены, тонкая серебристая лента памяти обвивала запястье. Ей убрали волосы, разгладили морщинки в уголках глаз. Смерть и работа мемориальных косметологов сделали то, чего не могли дать годы отдыха. Она выглядела моложе. От этого становилось только хуже.

— Ты обещала мне не героить, — сказала я едва слышно.

Она молчала. И это молчание было самым страшным звуком из всех, что я слышала.

В последние месяцы мама угасала почти деликатно. Словно старалась не мешать мне работать. Не жаловалась, только всё чаще уставала, всё чаще забывала мелочи, всё дольше сидела по вечерам у окна с чашкой остывшего чая. А я, гениальный хирург, женщина, способная удержать чужую жизнь по едва заметным показателям на сканере, слишком долго обманывала саму себя. Усталость. Возраст. Нагрузки.

Но я знала. Я видела болезнь изнутри, чувствовала её тень в маминых сосудах, в том, как нервные импульсы медленно сдают участок за участком.

И я могла её остановить. Могла. Но для этого мне пришлось бы использовать дар на такой глубине, которую мгновенно засекали бы все медицинские системы и государственные сканеры. Это была бы не хирургия. Это было бы чудо, за которым приходят люди в безупречных костюмах и навсегда закрывают за тобой дверь.

Мама поняла это раньше меня.

Она взяла с меня слово там, в палате, когда ещё могла говорить твёрдо: «Не смей. Ты обещаешь мне не геройствовать. Обещаешь не раскрывать себя. Ради меня — нет». И фраза, которую я прошептала сейчас у стекла, была эхом того разговора. Она обещала мне не сдаваться. А я обещала ей позволить ей уйти.

Я сдержала обещание. И теперь ненавидела себя за это.

— Проститься можно сейчас, — мягко напомнил сотрудник центра.

Я шагнула вперёд на негнувшихся ногах и прижала ладонь к холодному стеклу капсулы. Мне казалось, я сейчас почувствую запах её духов — лёгкий, травяной, тёплый.

— Ты была единственным человеком, который знал меня всю, — прошептала я. — И всё равно любил.

В груди что-то дрогнуло — болезненно, глубоко.

— Я не знаю, что теперь делать, мам.

Это была правда, глупая и жалкая. Она была не просто матерью. Она была моей тайной, моим единственным безопасным местом в мире, где одарённых до сих пор предпочитали использовать, а не любить. Полезных держали рядом, опасных уничтожали, а уникальных — особенно уникальных — никогда не отпускали без надзора.

А я была опасной. Слишком умной. Слишком сильной. Визарь. Редкость, которой по документам не существовало уже много десятилетий.

Я выжила только потому, что мама умела молчать лучше, чем большинство людей умеет дышать.

Когда стекло потемнело, скрывая её лицо, я не сразу поняла, что церемония закончилась. Мир стал ещё тише.

Кто-то коснулся моего локтя.

— Мне очень жаль, доктор Валенс.

Я повернула голову. Представитель Министерства стратегической медицины. Безупречный костюм, капли дождя на плечах, корректное лицо человека, привыкшего сообщать плохие новости в дорогих кабинетах. Я сразу поняла, зачем он здесь. Смерть ближайшего родственника автоматически изменила мой психологический профиль в государственной системе. Где-то в Министерстве уже мигнул красный маркер: «Ценный специалист нестабилен. Требуется контакт». Это была не вежливость. Это был протокол.

— Надеюсь, вы не вербовать меня пришли, — сказала я ровно. — Прямо с кладбища.

Он моргнул, не уверенный, шучу я или оскорбляю его.

— Разумеется, нет. Я лишь напоминаю, что решение об иммунитете остаётся в силе. Учитывая вашу ценность для Земли, правительство подтверждает ваше освобождение от обязательного участия в программе генетического союза.

Я смотрела на него несколько секунд. Моя мать ещё не успела окончательно исчезнуть из этого мира, а государство уже проверяло, не передумала ли их драгоценная собственность быть полезной.

— Как трогательно, — тихо сказала я. — Спасибо за соболезнования и за подтверждение моей высокой рыночной стоимости.

Он поджал губы.

— Это не вопрос стоимости, доктор Валенс.

Я посмотрела ему в глаза.

— Это всегда вопрос стоимости.

Он не нашёлся с ответом. Коротко кивнул, пробормотал что-то о возможности связаться с ним в любое время и отошёл. Я осталась стоять под куполом, глядя на дождь. Иммунитет. Смешное слово. Слишком похожее на клеймо.

Коммуникатор завибрировал. Клиника. Конечно. Чьи-то органы по расписанию всё равно продолжали отказывать.

— Валенс, — ответила я.

— Мири, у нас тяжёлый экстренный. Авария на нижнем кольце. Разрыв грудной аорты, печень, множественные внутренние. Нужна ты.

Даже когда он нервничал, его русский язык всё равно умудрялся делать из меня абстрактный инструмент. Я бросила взгляд на мокрую площадь. Мама умерла. Мир не остановился.

— Буду через пятнадцать минут, — сказала я и сбросила вызов.

Плакать было некогда.

Клиника встретила меня стерильным светом, запахом антисептика и ровным гулом систем жизнеобеспечения. Отдельная реальность, в которой личной боли не давали права голоса. Мне это подходило.

Я застёгивала медицинский жакет поверх чёрной одежды с похорон уже на ходу. Волосы скрутила в узел в лифте, пальцы двигались сами. Встретившая меня у шлюза анестезиолог Лина скользнула взглядом по моему лицу.

— Ты всё-таки пришла.

— Люди продолжают глупо умирать, даже когда у меня траур. — Я натянула перчатки.

Она нахмурилась, но ничего не сказала. Жалость сейчас я бы не пережила.

На проекции висела картина повреждений. Мужчина, тридцать шесть лет, инженер транспортных платформ. Компрессионный удар превратил его внутренности в месиво: разрыв аорты, печень в клочья, схлопнувшееся лёгкое, внутреннее кровотечение. Давление падало.

Я встала у стола, и мир привычно сузился. Шум, свет, горе, пустота — всё отступило. Остались только мышцы, сосуды, ритм чужого сердца и цена ошибки.

— Скальпель.

Я сделала первый разрез и пустила под кожу дар. Тонко, почти незаметно. Тело пациента открылось мне, как светящаяся карта: тёмные полости, горячие русла крови, микроскопические разрывы, крошечный тромб, ещё не ставший смертельным. Я всегда чувствовала это слишком ясно.

— Отсос. Быстрее. Лина, держи давление. Мне не нравится, как ведёт себя миокард.

— Мне тоже, — отозвалась она. — Пульс нестабилен.

Я работала руками и даром одновременно. Аорту нашла прежде, чем кто-либо увидел разрыв на проекции. Ввела пальцы глубже, чувствуя дрожание чужой жизни, и позволила дару просочиться сильнее. Тёплая волна прокатилась от груди к ладоням. Я не исцеляла — это было бы слишком заметно. Я лишь удерживала ткани, замедляла потерю, давала себе секунды.

— Потеря замедлилась, — выдохнул ассистент, глядя на экран.

— Я попросила организм вести себя прилично, — бросила я. — Сосредоточьтесь.

Печень пришлось вырывать у смерти зубами. Я сшивала разорванные участки, перестраивала кровотоки, следя за трещинами, которые открывались под давлением. В какой-то момент дар начал жечь изнутри, по позвоночнику стекал холодный пот. Я машинально выровняла сбившийся ритм собственного сердца — привычка, которой не должно быть у нормального человека.

Лина посмотрела на меня поверх монитора. В её взгляде мелькнуло что-то, что появлялось у всех, кто работал со мной достаточно долго: не подозрение, нет, но тревожное узнавание. Так смотрят на того, кто слишком часто делает невозможное, не имея на это видимого права.

— Не анализируй, — тихо сказала я, не поднимая глаз. — Я просто хороший хирург. Не ищи других объяснений.

Она помолчала.

— Я просто рада, что ты здесь не умерла вместе с ним.

Я коротко выдохнула. Что-то похожее на благодарность.

Последний шов лёг на место. Мониторы выровнялись. Пациент жил. Я выпрямилась, чувствуя, как дрожит всё тело, и стянула окровавленные перчатки.

— Закрывайте. И сообщите этому идиоту, что второй раз за день я его вытаскивать не настроена.

В коридоре меня накрыла тишина — плоская, беспощадная. Я дошла до врачебной комнаты, закрыла дверь и прижалась спиной к стене. Мамы действительно больше нет. Я только что снова спасла чужую жизнь, чтобы вернуться в пустой дом, где никто не спросит, ела ли я.

Я опустила на стул и посмотрела на свои руки. Чистые. Тонкие. Сильные. Руки, которые могли заштопать аорту и не смогли удержать самого родного человека.

Коммуникатор мигнул. Министерство. Подтверждение персонального иммунитета.

«Доктор Мириэль Валенс освобождена от обязательного прохождения генетической проверки... Особый статус. Приоритет национальной медицины».

Я перечитала это дважды. Они не отпускали меня не потому, что берегли. Они просто заперли клетку на другой замок и повесили новую табличку: не «Кандидатка», а «Стратегический медицинский ресурс». Разницы почти не было.

Я закрыла документ и несколько секунд сидела неподвижно. Потом открыла поиск. Центр генетической совместимости, добровольное тестирование. Свободный слот через сорок минут. Мама умерла. Дом опустел. Здесь меня больше ничто не держало. Ничего живого. Ничего тёплого. Ничего моего.

Я нажала «Подтвердить запись».

Центр генетической совместимости встретил меня бело-серой стерильностью и улыбкой администратора, слишком гладкой, чтобы быть настоящей. Она просмотрела мой запрос и вскинула брови, увидев отметку об иммунитете.

— Доктор Валенс, вы уверены?

Я не была уверена ни в чём, кроме того, что задыхаюсь в собственной жизни.

— Абсолютно, — сказала я.

Процедуры шли одна за другой: кровь, нейронное сканирование, гормональная карта, психологическая анкета. Дар приходилось глушить глубоко внутри, чтобы ни один аппарат не выдал лишнего. Когда капсула нейросканирования закрылась, в её прозрачной панели отразилось моё лицо — бледное, жёсткое, с тёмными тенями под глазами. Совсем не лицо женщины, готовой к новой жизни. Скорее лицо той, которой всё равно, в какой именно пропасти исчезнуть.

Я покинула центр уже глубокой ночью. Дома меня встретил запах. Ещё живой, ещё её. В прихожей стояли её туфли, на спинке стула висел лёгкий серый кардиган. Я замерла посреди кухни, глядя на эти глупые, невыносимые мелочи.

Я медленно подошла, взяла кардиган и прижала к лицу.

И вот тогда меня наконец сломало. Без красивых слёз. Я просто сползла по стене на пол, сжимая в руках эту ткань, и долго, почти беззвучно, задыхалась от боли, которая наконец нашла дорогу наружу.

Утром я пошла на работу. Потому что иначе пришлось бы сидеть дома и слушать, как там больше никто не ходит.

Результаты пришли ближе к вечеру. Я отошла к панорамному окну в конце коридора, открыла защищённое сообщение и увидела цифры.

Генетическая совместимость с эларийской расой: 98%. Показатель признан уникально высоким. Рекомендовано немедленное прохождение второго этапа в Посольстве.

Я смотрела на экран, и внутри разливалась ледяная ясность. Девяносто восемь процентов. Самый высокий показатель из всех, о которых я слышала.

Следующее сообщение пришло почти мгновенно. Чёрный фон, серебряный герб, резкие линии эларийского письма.

«Доктор Мириэль Валенс. Вам надлежит прибыть в Посольство. Дата и время визита зафиксированы. Подтвердите получение».

А ниже — строчка, от которой воздух в лёгких стал колким:

«Статус: кандидатка приоритетного уровня. Отказ после подтверждения невозможен без решения межправительственной комиссии».

Я подняла глаза к стеклу. Город жил, как вчера, как всегда. Потoki флаев, огни, спешащие люди. Всё было тем же. Всё было другим.

Я нажала «Подтвердить». Коммуникатор мягко мигнул, будто я согласилась на очередной приём. Только на этот раз пациентом была моя собственная жизнь.

И прогноз, честно говоря, был отвратительный.

Глава 2

Мириэль

Утро началось с того, что я минут десять стояла перед гардеробом и смотрела на одежду так, будто она лично виновата во всех моих жизненных решениях.

На кресле лежало официальное приглашение из посольства Эларийцев. Тонкая пластина тёмного металла с серебристым гербом — от него веяло чем-то слишком древним и слишком уверенным в собственной власти. Вчера вечером я ещё пыталась убедить себя, что всё это можно отложить на потом. Сегодня откладывать уже не получалось.

— Итак, — пробормотала я себе под нос, перебирая вешалки, — что надевают женщины, когда едут решать, стоит ли им отправляться в другую звёздную систему к огромным хищным мужчинам с хвостами?

Ответа не было. Даже мама в этой ситуации вряд ли смогла бы дать практический совет. Хотя, если честно, она бы сначала смерила меня терпеливым взглядом, а через пять минут помогла бы выбрать именно то, что я выбрала сама. Потому что знала: спорить со мной бесполезно.

Мысль о ней резанула привычно и тупо. Я почти не дёрнулась. Боль не ушла — она просто стала жить во мне постоянно, как скрытая трещина в кости.

Я заставила себя сосредоточиться.

Мой стиль всегда был смесью того, что нормальные люди обычно не смешивают. Элегантность, лёгкая готика, немного желания выглядеть так, чтобы ко мне не лезли с идиотскими советами. Сегодня был плохой день — а значит, чёрного больше обычного.

Я вытащила строгую юбку до колена, тёмно-зелёную шёлковую блузку с мягким блеском, почти чёрную в тени. Сверху — узкий корсетный пояс из матовой кожи, не ради утяжки, а ради ощущения собранности. Он обхватил талию плотно, как напоминание: спина прямая, подбородок выше, никто не увидит, что внутри всё давно рассыпалось в пыль. К этому — короткая кожаная куртка, высокие ботильоны, серебристые кольца, тонкая цепочка и браслет с жёсткими металлическими звеньями.

Последним я взяла кольцо матери. Тонкое, старое, почти простое. Ни камня, ни статуса — только гладкий металл, хранящий тепло стольких лет. Я надела его на средний палец и на секунду прикрыла глаза.

Из зеркала на меня смотрела женщина с длинными рыже-медными волосами, ярко-зелёными глазами на фоне светлой кожи, тонкими чертами лица и упрямым подбородком. Тени под глазами не смог скрыть даже хороший консилер. Миниатюрная фигура, подтянутое тело, привычное к долгим сменам и нехватке сна.

— Выглядишь так, будто можешь либо провести сложнейшую операцию, либо послать к чёрту посольство инопланетной империи, — тихо сказала я отражению. — Уже неплохо.

Коммуникатор мигнул, напоминая о времени. Я схватила пальто, документы и вышла.

Посольство Эларийцев располагалось в дипломатическом квартале, но на обычное посольство было похоже примерно так же, как боевой крейсер на прогулочную яхту.

Оно поднималось над остальными зданиями как нечто чужое, слишком цельное и слишком красивое, чтобы быть созданным на Земле. Огромные гладкие поверхности из тёмного материала с золотистым отливом, вертикальные линии света, прозрачные мосты, словно вытянутые из стекла и солнечных лучей. Архитектура была хищной и изящной одновременно.

Флай мягко опустился у внешнего кольца досмотра. Я выбралась наружу, подняла взгляд и невольно присвистнула.

Охрана у входа была не земная. Двое мужчин ростом под два с половиной метра, широкоплечие, с идеальной осанкой, в тёмных форменных костюмах с серебряными линиями. И у них были уши. И хвосты. Настоящие, живые, подвижные — не импланты, не модификации.

У меня ушло примерно три секунды, чтобы справиться с первым шоком.

Господи, у них действительно есть хвосты. И уши. Мириэль, не смотри на хвосты. Ты взрослая женщина, гениальный хирург, а не ребёнок в зоопарке.

Разумеется, именно после этой мысли мне стало почти невозможно не смотреть на хвосты.

Охранник открыл проход после сканирования приглашения. Его взгляд скользнул по мне профессионально, почти безэмоционально — только уши чуть заметно дрогнули. Значит, они и правда реагируют на эмоции.

Внутри посольства оказалось ещё хуже для моего самоконтроля. Слишком много эларийцев. Высоких, крупных, невероятно красивых той опасной, почти нечеловеческой красотой, которая в любой другой ситуации показалась бы чрезмерной. Тёплая бронзовая и золотистая кожа, сильные тела, хищная пластика, острые внимательные взгляды, хвосты, гладко скользящие за ними при каждом шаге. На их фоне я чувствовала себя одновременно очень маленькой и очень раздражённой этим фактом.

Меня встретил высокий светлокотый мужчина с пепельно-русыми волосами, собранными в низкий хвост, и холодными серыми глазами. Форма — безупречно строгая. Уши серебристо-пепельные, хвост того же оттенка, с тёмной кисточкой. Держался он так, будто лично отвечал за порядок Вселенной и уже заранее недоволен тем, что я этот порядок нарушу.

— Доктор Мириэль Валенс, — произнёс он низким ровным голосом. — Меня зовут Иаран Тель. Я назначен сопровождать вас во время сегодняшнего визита.

— Как мило. У меня будет персональный надзиратель.

Его уши едва заметно качнулись назад.

— Сопровождающий.

— А, прошу прощения. Это, конечно, принципиально разные должности.

Он выдержал паузу.

— Прошу следовать за мной.

— Уже иду. Не переживайте, я сегодня никого не кусаю. У меня не тот комплект.

На этот раз дрогнул хвост. Совсем слегка. Но я заметила.

Мы шли по коридору, где стены были будто вылиты из тёмного стекла и металла. Свет струился изнутри самих поверхностей — мягкий, золотистый, без видимых ламп.

— У вас всё здесь выглядит так, будто архитекторы были слегка влюблены в храмы, дворцы и военные объекты одновременно, — заметила я.

— Это комплимент? — сухо спросил Иаран, не оборачиваясь.

— Пока не решила.

— Мы сочтём это комплиментом.

— Какая самоуверенность.

— Какая щедрость с вашей стороны.

Я подняла бровь ему в спину. Ладно. Сопровождающий оказался чуть живее, чем я думала.

Мы прошли через зал ожидания, где уже сидели несколько землянок с браслетами центра тестирования. Их присутствие ударило по мне сильнее, чем я ожидала. Я была не одна. Это не делало происходящее менее странным — но делало его более реальным.

— Вы входите в число приоритетных кандидатов, — сказал Иаран, когда мы миновали зал и свернули в закрытый сектор. — Поэтому ваше обследование организовано отдельно.

— Всегда мечтала стать исключительным набором генетических показателей.

Он снова промолчал. Очень дисциплинированный мужчина.

Дверь бесшумно разошлась в стороны. Медицинский блок. Холодная чистота, диагностические капсулы, воздух с оттенком стерильности — сразу стало легче. Аппаратура была честнее любых дипломатических речей. Она либо работала, либо нет. Без двойного дна.

В центре зала стоял мужчина в светлой медицинской форме. Я поняла, что он врач, ещё до того, как он заговорил — по взгляду. Есть особый тип людей, которые много лет работают рядом с болью. У них спокойные лица, выверенные движения и странная усталость, спрятанная глубоко под кожей.

Высокий — около двух двадцати, не меньше. Стройный, гибкий, с тёмно-русыми волосами до плеч и зелёными глазами. Черты лица мягкие, почти доброжелательные, но взгляд выдавал другое: он видел слишком много потерь, чтобы оставаться по-настоящему мягким. Уши чуть повернулись ко мне, хвост с светло-коричневой кисточкой лежал почти неподвижно. Сосредоточенный хвост.

— Доктор Валенс, — сказал он спокойным голосом с едва уловимой усталой хрипотцой. — Я Сейлар Таррин. Военный врач высшей категории. Сегодня я курирую ваше обследование.

Имя показалось знакомым. Через секунду я поняла почему.

— Таррин. Биорегенеративные матрицы для восстановления боевых повреждений периферических нервов?

На его лице мелькнуло настоящее удивление.

— Вы читали мои работы?

— Я спорила с одной из них в три часа ночи после сорокачасовой смены. Это считается? Уголок его рта дрогнул.

— Смотря кто победил в споре.

— Пока ничья. У вас были сильные аргументы.

— Я тоже знаком с вашими публикациями, доктор Валенс. С теми, где вы ломаете старые протоколы.

Впервые за всё утро я почувствовала, как по-настоящему расслабляются плечи. Он говорил со мной как врач с врачом. Не как чиновник с ценным ресурсом. Не как представитель расы с перспективной кандидаткой. Просто коллега.

Это было опасно приятно.

— Уже за одно это обследование начинает звучать менее отвратительно, — сказала я.

— Я бы не обещал слишком многого. Некоторые процедуры всё равно отвратительны.

— Прекрасно. Мы точно коллеги.

Иаран, кажется, был озадачен. Он стоял чуть поодаль с видом мужчины, которого забыли предупредить, что испытуемая не обязана выглядеть испуганной.

— Благодарю, Иаран, — спокойно произнёс Сейлар. — Дальше я возьму на себя сопровождение.

Тот едва кивнул.

— Доктор Валенс.

— Господин надзиратель, — вежливо ответила я.

Его хвост качнулся с такой сдержанной угрозой, что я едва не расхохоталась. Когда дверь за ним закрылась, Сейлар посмотрел на меня с врачебной невозмутимостью.

— Вы всегда так общаетесь с дипломатическим персоналом?

— Только если они слишком хорошо держат лицо. Это вызывает у меня нездоровое желание проверить пределы их терпения.

— Понимаю. У меня похожее чувство к военному командованию.

— Уже люблю вас как коллегу.

— Не торопитесь. Сначала вас ждёт полное обследование.

Я тяжело вздохнула.

— Всё хорошее в этом мире всегда оказывается с подвохом.

Диагностическое оборудование Элорийцев было красивым до неприличия. Полупрозрачные дуги света, тонкие сканирующие поля, живые голограммы, которые не мерцали, а словно текли в воздухе. Ни громоздкости, ни грубых креплений. Всё работало почти бесшумно.

Сканер не просто строил модель органов. Он показывал вероятные реакции тканей на изменение гравитации, уровень кислородного обмена в атмосфере Элории и даже прогнозировал, какие системы организма начнут перестраиваться первыми. Я наблюдала за данными почти с профессиональным восторгом.

— Ваша система умеет просчитывать регенерационный ответ до вмешательства? — спросила я, наклоняясь к голограмме.

— С высокой вероятностью.

— Ненавижу вас.

Сейлар поднял бровь.

— Обычно эту фразу говорят моим пациентам после катетеров.

— Я говорю её как земной хирург, которой только что показали игрушку мечты.

Он тихо усмехнулся.

Сканирование заняло почти час. Кровь, клеточные профили, нейронная карта, реакция на энергополя, устойчивость к изменённой гравитации — всё, что я и сама бы назначила, только на их уровне глубины анализа.

Потом началась самая неприятная часть. Интимно-медицинская. Сейлар вёл себя безупречно — ни лишнего взгляда, ни неловкой интонации, ни тени того любопытства, которое я так часто видела у врачей, столкнувшихся с «уникальным случаем». Само обследование было профессиональным, выверенным, безупречным. И именно поэтому я злилась ещё сильнее: у меня не было повода возненавидеть его, хотя очень хотелось перенести злость хоть на кого-то конкретного.

Для него я была пациенткой. И, возможно, коллегой. Не феноменом. Не маткой с высоким процентом совместимости.

Когда всё закончилось, он дал мне время привести себя в порядок. Я застегнула блузку, поправила волосы, посмотрела в зеркало и обнаружила, что выражение лица у меня такое, будто я уже морально убила трёх дипломатов и одного особенно разговорчивого гинеколога.

Когда я вышла обратно, Сейлар стоял у панели с данными. Его хвост был почти неподвижен, только кисточка раз в несколько секунд едва заметно дёргалась.

— Всё настолько плохо? — спросила я.

— Наоборот.

Он развернул голограмму ко мне. Я быстро выхватила главное: состояние отличное, нейронная активность выше средней нормы для одарённых, уровень адаптивности очень высокий. Слишком высокий.

Внутри неприятно холодело.

— Вы это уже заметили, — сказал Сейлар негромко.

— Я врач, а не декорация. Да, заметила.

— Ваш организм демонстрирует необычную биологическую пластичность. Адаптация к условиям Элории пройдёт легче, чем у большинства кандидатов. Для программы это крайне ценный показатель.

Для программы. Не для меня.

— Моё тело, похоже, тоже решило, что уезжать в другую звёздную систему — отличная идея, — сказала я.

— А вы так не считаете?

Вопрос был задан слишком спокойно, чтобы от него можно было отмахнуться. Я молчала несколько секунд.

— Иногда человек делает не то, что считает правильным, а то, что может вынести. Это разные вещи.

Сейлар не отвёл глаз.

— Понимаю.

И снова — ни жалости. Только тихое, взрослое понимание, от которого хотелось либо выдохнуть, либо разозлиться ещё сильнее.

— Вы ведь уже знаете мою историю, — сказала я.

— В пределах медицинского и дипломатического досье.

— То есть достаточно, чтобы понимать, почему у меня лицо не светится энтузиазмом.

— Более чем.

— Хорошо. Избавим друг друга от фальшивого оптимизма.

— С удовольствием, — сказал он.

Я снова посмотрела на него внимательнее. Он мне нравился — как врач, как человек, умеющий не лезть куда не надо.

— Медицинская часть подтверждает исходный результат, — произнёс Сейлар, переключаясь в профессиональный режим. — Вы официально проходите на следующий этап. Далее будет собеседование с куратором программы. Но прежде я сам кратко объясню порядок, чтобы вас не раздражали плохо сформулированные дипломатические речи.

— Если бы вы читали мысли, это сэкономило бы нам минут десять.

— Я просто работаю с людьми.

Мы сели к низкому столу. Он кратко обрисовал схему: первая приоритетная группа, десять дней на сборы, два чемодана, месяц полёта, адаптационная программа на борту, затем центр на Эларии, индивидуальные встречи со стаями, мой окончательный выбор. Всё — с подчеркнутым уважением к согласию женщины.

— А если ни одна стая не подойдёт? — спросила я, покрутив кольцо матери на пальце.

— Процесс продлевается.

— А если подойдут слишком многие?

— Такое тоже возможно.

— Надеюсь, мне не придётся устраивать отборочный тур между космическими котами.

— Этого термина я предпочту не слышать за пределами кабинета.

Я не выдержала и улыбнулась.

Мы замолчали. Где-то в глубине блока тихо работали системы, струился свет. Мне вдруг стало мучительно ясно, что этот разговор делит мою жизнь на две части. До — и после.

— Вы боитесь? — тихо спросил Сейлар.

Я посмотрела на свои руки.

— Да. Но не так, как, наверное, должны. Не боюсь вашей расы. Не боюсь, что всё это окажется слишком чужим. Я боюсь, что мне некуда возвращаться. И от этого любое движение вперёд начинает казаться не выбором, а падением.

Сейлар долго молчал. Потом произнёс очень спокойно:

— Иногда падение — это просто момент, когда под ногами исчезает старый мир. Это не всегда означает, что новый окажется хуже.

— Вы говорите как врач или как философ?

— Как человек, который слишком часто видел, что жизнь меняется раньше, чем пациент успевает дать согласие.

Я отвела взгляд первой.

— Опасно с вами разговаривать, доктор Таррин. Вы иногда звучите разумно.

— Страшный недостаток. Знаю.

Когда формальности закончились, Иаран снова повёл меня в сектор официальных собеседований. Кабинет выглядел так, будто сообщать человеку, что его жизнь скоро перевернётся, здесь считали нужным в особенно дорогой обстановке. Панорамные окна, тёмное дерево, мягкий золотистый свет, живые растения в кристаллических вазах — всё слишком красивое, слишком продуманное.

За столом меня ждали двое. Земная представительница — сухая, собранная женщина с лицом человека, который умеет говорить неприятные вещи так, будто оказывает услугу.

И элариец.

Высокий даже по их меркам, с тёмными волосами, убранными назад, и узкими золотыми глазами. В отличие от Иарана, в нём не было военной жёсткости. В отличие от Сейлара — врачебной мягкости. Этот мужчина производил впечатление человека, который привык распоряжаться процессами, людьми и временем. Он почти не двигался. Даже хвост за его спиной лежал неподвижно — не расслабленно, а дисциплинированно, словно и он участвовал в переговорах. От этого мужчина казался не спокойным, а опасно собранным.

— Доктор Мириэль Валенс, — произнёс он глубоким ровным голосом. — Я Таэрис Вэльн. Координатор первой фазы программы со стороны Эларии.

Я села напротив и коротко кивнула.

— Звучит почти безобидно.

— Это зависит от вашего отношения к переменам, — заметила земная представительница.

— Тогда не безобидно.

Ни один из них не улыбнулся. Тяжёлая профессиональная порода.

Дальше пошла официальная часть — но в исполнении Таэриса даже сухие формулировки звучали слишком весомо.

— Ваш показатель совместимости признан исключительно высоким, — сказал он. — По этой причине вы включены в первую приоритетную группу. Дата вылета зафиксирована.

Я медленно откинулась на спинку кресла.

— Как изящно вы формулируете слово «соберитесь».

— Я предпочитаю точность.

Он сообщил ещё одну деталь, о которой Сейлар не упомянул: мой результат уже вызвал интерес у эларийских стай. Не абстрактный интерес программы — конкретный. Приоритетный. А это означало, что процесс выбора будет не только моим. За мной уже наблюдают.

Внутри всё сжалось.

— Ваше согласие, — продолжил Таэрис, — после подписания становится юридически необратимым без решения межправительственной комиссии. Настоятельно рекомендую внимательно ознакомиться с документами.

— И никакого давления, да? — пробормотала я.

— Я не оказываю давления. Я сообщаю факты.

— У вас это получается угрожающе хорошо.

— Благодарю.

Сарказма он, кажется, не заметил. Или заметил, но счёл несущественным.

Мне передали личный пакет участницы, допуски, график и дату вылета. Я смотрела на цифры и чувствовала, как внутри всё неприятно сжимается. А потом наступил момент подписания.

Тонкий планшет лёг передо мной. Серебристый герб Эларии, строки на двух языках, поле для подтверждения.

Я коснулась его пальцем.

Документ мягко вспыхнул серебром — слишком красиво для того, что только что отрезало от моей жизни десять последних дней. Вспышка погасла. Всё стало официальным.

— У вас есть вопросы? — спросила земная представительница.

Вопросов у меня было достаточно, чтобы устроить допрос с пристрастием. Но вслух я задала только один:

— А если в какой-то момент я решу, что всё это ошибка?

Таэрис посмотрел на меня внимательно — слишком внимательно для человека, который должен оставаться просто координатором.

— Тогда вам придётся понять, ошибка ли это на самом деле, или лишь страх перед тем, чего вы не можете контролировать. Это не одно и то же.

Я тихо вздохнула.

— Ненавижу, когда мне отвечают по существу.

— Я заметил, — спокойно сказал он.

Когда формальности закончились, Иаран снова повёл меня к выходу. Мы шли молча почти минуту. Я держала в руках пакет документов и чувствовала себя так, будто несу аккуратно сложенное будущее, которое пока слишком тяжёлое, чтобы касаться его без дрожи.

— Вы удивительно спокойны, — вдруг сказал он.

— Нет. Я удивительно хорошо умею выглядеть спокойной. Это разные вещи.

— Большинство кандидаток ведут себя иначе.

— Большинство кандидаток не работали в хирургии и не хоронили мать месяц назад.

Он резко повернул голову. На долю секунды официальная маска дала трещину — сдержанное, почти невидимое сочувствие.

— Мне жаль.

Я отвела взгляд.

— Не надо. Я не умею правильно реагировать на сочувствие. Обычно становлюсь ещё неприятнее.

— Я заметил.

— Вот и хорошо.

Мы дошли до центрального вестибюля. За прозрачными стенами было видно серое земное небо, движение флаев, мокрые линии города. Всё казалось обычным. И совершенно чужим одновременно.

— Скажите честно, — вдруг спросила я, — вас там, на Эларии, всех делают такими огромными специально? Для психологического давления на людей?

Он, кажется, не ожидал именно этого вопроса.

— Нет.

— Жаль. Был бы хороший политический ход.

— Мы не используем рост как дипломатический инструмент.

Я окинула его взглядом с головы до ног.

— И это вы сейчас говорите мне, возвышаясь надо мной как очень вежливая катастрофа. На его лице мелькнуло нечто почти похожее на улыбку.

— Возможно, вы слишком маленькая.

— Возможно, вы все просто неприлично большие.

— Тоже возможно.

— Ого. У вас всё-таки есть чувство юмора.

— Не распространяйтесь об этом.

— Поздно. Я уже всё поняла.

Я уже собиралась выйти, когда за спиной раздался знакомый голос.

— Доктор Валенс.

Сейлар стоял в дальнем конце холла. Он подошёл ближе, и в его руках я заметила тонкий инфопланшет.

— Ваши медицинские результаты в адаптированном виде. Без закрытых протоколов, но с достаточным объёмом данных, если захотите изучить их сами.

Я взяла планшет.

— Вы серьёзно сейчас делаете мне подарок в виде анализов?

— Некоторые люди предпочитают цветы. Некоторые — данные.

— Вы определённо опасный человек.

— Мне уже говорили.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Спасибо.

— Не за что. И ещё... — он сделал короткую паузу, — на борту лайнера я тоже буду в составе медицинской группы.

Я замерла. Это было неожиданно приятно. Настолько, что я сразу насторожилась.

— То есть у меня будет хотя бы одно знакомое лицо среди всего этого межзвёздного цирка?

— Если вам угодно использовать именно такой термин, то да.

— Хорошо. Тогда я, возможно, не убью никого в первые трое суток.

— Восхитительная новость для экипажа.

Я улыбнулась по-настоящему — слабо, но всё же.

— До встречи, доктор Таррин.

— До встречи, доктор Валенс.

Я вышла из посольства под дождь. Холодные капли коснулись лица, город шумел вокруг, как всегда. Флаи поднимались в небо. Земля продолжала жить так, будто мой мир только что не развернули на новую орбиту.

Я спустилась по широким ступеням и подняла голову к посольству ещё раз. Тёмное. Огромное. Чужое. Красивое. Внутри остались хвостатые дипломаты, спокойный врач с глазами человека, который слишком много видел, официальные бумаги с датой вылета и слово «Аэл’Тар», после которого всё остальное уже казалось временным.

Я сжала в ладони кольцо матери.

— Ну что, мам, — тихо сказала я, глядя на дождливое небо. — Похоже, я правда это сделаю.

Ветер тронул волосы, холодом забрался под ворот пальто. Я вдохнула глубже.

Десять дней. Всего десять дней — и я улечу туда, где у мужчин есть хвосты, у врачей — слишком умные глаза, а у моей новой жизни, кажется, уже давно заготовлено место.

Мне было страшно. Очень. Но под страхом, под болью и усталостью уже шевелилось что-то ещё. Не надежда. Скорее предчувствие. Словно огромный, незнакомый мир только что повернул голову в мою сторону и впервые действительно меня заметил.

Глава 3

Мириэль

Собирать жизнь в два чемодана оказалось унинительно.

Не драматично, не символично — так, как любят показывать в старых фильмах, где героиня нежно проводит рукой по знакомым вещам и уходит в новую жизнь с загадочной улыбкой. В реальности это выглядело как три дня раздражения, усталости, кофе и острого желания придушить всех, кто когда-либо придумал слово «необходимое». Потому что под это определение не попадало почти всё, что делало жизнь моей.

Я сидела на полу посреди спальни, окружённая стопками одежды, документов и воспоминаний, и с каждой минутой понимала всё отчётливее: переезд в другую звёздную систему — это не романтическое приключение. Это очень дорогой, очень красиво организованный демонтаж старой жизни.

Эларийцы взяли на себя бюрократию. Контракты в клинике закрывались через дипломатический канал, финансовые счета переводились в новую систему и — как сухо уведомили меня в одном из документов — автоматически удваивались в качестве компенсации за смену мира. Гражданский статус менялся по пунктам и подписям, будто речь шла не о человеке, а о редком оборудовании, которое нужно аккуратно перевезти и заново ввести в эксплуатацию.

— Прекрасно, — пробормотала я, укладывая в чемодан очередную тёмную блузку. — Меня официально пересчитали, упаковали и финансово простимулировали.

В первый чемодан пошло то, без чего я себя не представляла: одежда, бельё, обувь, любимая кожаная куртка, чёрная юбка, несколько мягких домашних вещей, аптечка, набор рабочих мелочей, которые любой врач таскает с собой почти на уровне инстинкта. Второй чемодан оказался гораздо тяжелее. В него нужно было сложить не вещи, а то, что осталось от дома.

Я долго держала в руках старый серый кардиган матери. Мягкий, с чуть растянутыми рукавами и почти невесомым запахом, который за этот месяц стал слабее, но не исчез совсем. Несколько секунд я просто стояла, прижав ткань к груди, и не двигалась. Потом аккуратно сложила его поверх остального. Следом — её рецептник, маленькую электронную книжку с потёртой обложкой, на которой мама когда-то нарисовала мне рыжую лису в хирургической шапочке. Тогда я страшно обиделась на карикатуру, а мама смеялась до слёз. Теперь эта лиса смотрела на меня так, будто уже знала, насколько нелепой станет моя жизнь. Рядом легла шкапулка с двумя её простыми украшениями.

Дальше была мужская рубашка на дне комода. Тёмно-синяя, с едва заметным древесным запахом. Я понятия не имела, почему она до сих пор у меня. Наверное, потому что после той ночи я просто захлопнула ящик и делала вид, что там ничего нет. Очень зрелый способ справляться с предательством.

Я вытасила её двумя пальцами, как что-то неприятное. Перед глазами слишком легко вспыхнула та картина: моя спальня, его голое тело, чужая женщина в моей постели и мой собственный голос, ледяной и спокойный: «У тебя две минуты, чтобы исчезнуть, пока я не начала решать эту ситуацию анатомически». Кажется, он тогда впервые в жизни поверил мне сразу.

Рубашка полетела в утилизатор. Следом отправились чужая зарядка, книга, подаренная им на день рождения, старый браслет, который я никогда особенно не любила, но носила ради мира в отношениях. Пластик внутри вспыхнул мягким голубым светом, материя распалась за секунды. Ни трагедии, ни красивой точки. Просто мусор.

— Идиот, — сказала я в пустую комнату. А потом, подумав, добавила: — Хотя нет. Спасибо. После тебя идея строить семью с несколькими огромными космическими мужчинами перестаёт казаться самым странным вариантом.

Это, к моему раздражению, действительно немного улучшило настроение.

Последние дни на работе пролетели слишком быстро и слишком медленно одновременно. Я приходила в клинику как обычно — рано, собранно, с кофе в руке и лицом человека, который не собирается обсуждать с вами свои чувства, если вы дорожите жизнью. Коллеги, к счастью, быстро это уловили. Лучший вид заботы, который вообще можно мне предложить: мне не лезли в душу, но работали рядом особенно точно и молча.

Я не говорила почти никому, что улетаю, до последнего дня. Не потому, что это было секретом — в моём статусе скрыть подобное трудно. А потому, что не хотела превращать последние смены в бесконечную цепочку неловких разговоров. Но слухи всё равно просочились.

В первой же перевязочной, когда один из интернов уставился на меня с трагическим выражением лица, я сухо сказала:

— Если ты сейчас спросишь, не страшно ли мне улетать к инопланетянам, я заставлю тебя вручную переписывать историю болезни у восьмой палаты.

Он побледнел.

— Я не собирался.

— Отлично. У тебя ещё есть шанс на медицинскую карьеру.

Лина, стоявшая у стола с расходниками, фыркнула в маску.

— Ты просто очаровательна в прощальный день.

— Стараюсь оставить о себе противоречивые воспоминания.

— Это не поможет. Все и так будут тебя помнить.

Я ничего не ответила. Это прозвучало слишком честно.

Работы, как назло, было много. Две сложные консультации, внеплановая операция, ребёнок с врождённой аномалией сосудов, пожилой пациент после резекции, спор с администрацией, бесконечные подписи и отчёты. И я была благодарна за это почти до боли. Пока работаешь — не думаешь. Пока режешь, шьёшь, оцениваешь показатели, внутри не успевают развернуться та пустота, которая ждёт тебя в тишине.

После обеда ко мне привезли старика из послеоперационной. Невысокий, худой, с таким количеством злости на морщинистом лице, что любой молодой пациент на его месте казался бы уже поверженным. Я оперировала его две недели назад — сложный случай, печень, кишечник, старые рубцы.

— Опять вы, — сказал он. — Я думал, от меня уже избавились.

— Я тоже надеялась, — ответила я, просматривая показатели. — Но вы слишком живучий.

Он хмыкнул, а потом спросил — правда ли, что я улетаю.

— Кто вам рассказал?

— Больницы — это сплетни с системой вентиляции, доктор. Здесь всё разлетается мгновенно.

— Тогда да. Правда.

Он несколько секунд смотрел на меня внимательно, потом вытащил из-под одеяла костлявую руку с потёртым металлическим амулетом на пальце.

— Возьмите. На удачу.

Я нахмурилась.

— Мне не нужен этот ужас.

— Ещё как нужен. Вы мне жизнь спасли. Значит, теперь я имею право подарить вам уродливую бесполезную вещь, которая, возможно, работает.

Я смотрела на него несколько секунд. Потом медленно взяла амулет. Он был тёплый.

— Спасибо, — сказала я тихо.

— Там, куда вы летите, врачей, может, и много. Но вас у них пока нет. Так что не вздумайте там сдохнуть.

Я усмехнулась и вышла из палаты, сжимая амулет в кармане. К моему удивлению, он почти сразу перестал казаться уродливым.

Ближе к вечеру начали заходить коллеги. По одному, тактично, почти все — в рабочем режиме, без пафоса. Главврач пришёл последним. Закрыл дверь, посмотрел на мой почти пустой стол и тяжело вздохнул.

— Я не буду произносить длинных речей, — сказал он.

— Благодарю. Я бы их не пережила.

— Но одну вещь скажу. Это место держалось на тебе больше, чем ты думаешь.

— Значит, самое время проверить, не рухнет ли оно без меня.

— Дерзишь.

— Маскирую эмоции.

— Плохо маскируешь.

Я невольно усмехнулась. Он протянул мне тонкую папку — рекомендации, закрытые отчёты, доступ к архиву исследований и персональное подтверждение, что, если я когда-нибудь захочу вернуться, дверь здесь будет открыта.

— Не надо так говорить, — сказала я, не сразу беря документы.

— Почему?

— Потому что это звучит как «если вдруг твоя новая жизнь развалится, мы примем тебя обратно».

— Я имел в виду не это.

— Знаю. Но всё равно не надо.

Он кивнул, будто счёл ответ разумным, и ушёл. А я ещё долго сидела одна, глядя на знакомые стены, на стеллаж с бумажными делами, на маленькую трещину в правом углу панели, которую замечала много месяцев и каждый раз забывала сообщить в техслужбу. Потом поднялась, дошла до операционного блока и провела ладонью по прохладной поверхности двери.

— Ладно, — тихо сказала я. — Не скучай без меня.

Это было глупо. И немного помогло.

Утро отлёта было серым. Небо висело низко, тяжёлое, будто Земля сама решила не устраивать мне красивых проводов. В квартире пахло пустотой и слабым запахом кофе. Чемоданы стояли у двери. Я обошла комнаты медленно, почти не касаясь вещей взглядом. Мир не любил делать паузы ради чьих-то потерь, и всё же в тот момент квартира казалась застывшей. Будто ждала, что я передумаю, разберу чемоданы, поставлю чайник и проживу здесь ещё год, два, десять лет. Но назад уже ничего не собиралось.

Я взяла мамин кардиган, коснулась ткани и тихо сказала:

— Пошли, мам. Посмотрим, что там за катастрофа меня ждёт.

Когда замок мягко щёлкнул за спиной, внутри что-то тоже замкнулось. Не умерло, не оторвалось — просто закрылось.

Транспорт посольства ждал у входа: узкий тёмный шаттл без опознавательных земных линий, слишком гладкий и бесшумный, чтобы считаться обычной техникой. У трапа стояли двое эларийцев в форме сопровождения — неприлично рослые, собранные, с тем самым выражением хищного спокойствия, которое мне уже начинало действовать на нервы.

— Доктор Валенс, — произнёс один из них.

— Надеюсь, вы не передумали и всё ещё летите в нужную сторону.

На его лице ничего не изменилось, только уши едва заметно качнулись.

Внутри шаттла сидели ещё три женщины. Две молчали, сжавшись в креслах, третья плакала так тихо, что от этого становилось ещё тяжелее. Я села у иллюминатора, пристегнулась, положила ладонь на карман пальто, где лежал амулет старика, и заставила себя смотреть прямо.

Когда шаттл поднялся, город начал медленно уходить вниз. Я видела знакомые линии улиц, стеклянные башни, медицинский квартал, серебристые ленты воздушных трасс — и чувствовала странное онемение. Как будто мозг не успевал за реальностью и продолжал считать, что это временно. Обычная поездка, командировка, неприятная бюрократия. Но Земля отдалялась слишком уверенно.

— Я не могу, — прошептала женщина в соседнем ряду. — Я не могу, я не могу...
Я закрыла глаза. Не сейчас. Ещё не время.

Орбитальный космопорт был похож не на станцию, а на целый город, застрявший между Землёй и пустотой. Прозрачные галереи, кольца шлюзов, мягкий гул систем жизнеобеспечения — и далеко, чуть в стороне, стоял он. Межзвёздный лайнер Эларийцев. Длинный, плавный, тёмно-золотой корпус, линии света, текущие по металлу, закрытые энергетические кольца и два военных корабля сопровождения, пугающе мощных.

Я невольно выдохнула.

— Это не лайнер, — пробормотала я. — Это очень роскошный способ украсть женщин с планеты.

Идущий рядом сопровождающий дёрнул хвостом. Значит, чувство юмора у них всё же воспринимается.

Нас провели к зоне сбора участниц программы. И вот там всё полетело к чёрту.

Сначала — звук. Рваный, высокий, живой. Плач, крики, срывающиеся голоса. Кто-то умолял, кто-то задыхался так, что даже без приборов было слышно приближающуюся гипервентиляцию. В воздухе висел плотный коктейль из страха, пота и той особой паники, которая заражает толпу быстрее инфекции.

Потом — картина. Большой сектор ожидания, в котором собрали женщин первой группы. Кто-то сидел на полу, кто-то прижимал к груди сумку как последний якорь. Две девушки рыдали в обнимку. Одна кричала на земного чиновника, что никуда не полетит. Ещё одна явно была на грани обморока. В дальнем углу молоденькая одарённая отбивалась от попыток её успокоить. А вокруг всего этого — несколько эларийских врачей и сопровождающих, слишком высоких, слишком заметных и, судя по всему, не понимающих, что одним своим присутствием делают хуже.

— Прекрасно, — тихо сказала я. — Коллективный нервный срыв в декорациях космопорта.

Один из врачей повернулся ко мне. Высокий, темноволосый, с усталым лицом и явным желанием оказаться где угодно, но не здесь.

— Прошу отойти в сторону, — сказал он. — Ситуация под контролем.

Я посмотрела на него, потом на женщину, которая уже почти не могла дышать, потом снова на него.

— Если это у вас контроль, я боюсь представить, как выглядит бардак.

— Доктор...

— Валенс. И если вы сейчас будете спорить, у нас станет на одну истерику больше, потому что я тоже начну.

Он молчал ровно секунду. Я использовала её с максимальной пользой: бросила короткие приказы земным сотрудникам — воду и чистые пакеты, другому врачу — убрать троих крупных мужчин из личного пространства той девушки, если он хочет, чтобы она перестала

орать. Стулья — в круг, не линей. Мягкие седативные — у кого есть доступ. И выключить этот проклятый верхний свет.

Голоса вокруг на секунду споткнулись. Иногда людям нужен не план. Им нужен человек, который говорит так, будто план уже есть.

— Я сказал, ситуация под контролем, — снова начал врач-элариец, но уже куда менее уверенно.

Я шагнула к нему ближе и очень тихо произнесла:

— Послушайте, вы можете быть трижды высокотехнологичным космическим чудом, но паническая атака не лечится тем, что над женщиной нависают четверо очень больших мужчин с хвостами. Отойдите на два шага. Дайте дышащее пространство.

Его уши слегка прижались. А сзади кто-то из женщин нервно хихикнул. Трещина в панике — уже начало.

Я направилась к девушке, которая задыхалась у стены. Совсем юная, белая как полотно, зрачки расширены, дыхание слишком частое.

— Эй. На меня смотри. Не на потолок, не на дверь, не на этого красивого бедствия с ушами за спиной. На меня.

Она судорожно втянула воздух.

— Я не могу... не могу...

— Можешь. Просто пока ты дышишь как загнанный кролик, твой организм решил, что нас уже едят. А нас пока ещё даже не загрузили на корабль. Так что работаем. Вдох на четыре. Со мной.

Я подняла руку, считая, и она начала ловить ритм — дёргалась, сбивалась, плакала, но уже дышала. Дар я пустила совсем тонко, едва заметно, только чтобы проконтролировать тахикардию.

— Вот так, — сказала я мягче. — Не умираешь. Уже отличный старт для межзвёздного путешествия.

Рядом снова кто-то фыркнул сквозь слёзы. Я обернулась.

— Кто ещё на грани обморока — поднимаем руки. Не стесняемся, сегодня у нас клуб очень тревожных женщин.

Несколько рук поднялись почти сразу. Я кивнула и принялась распределять: кого усадить, кому воду, кому просто твёрдый тон вместо жалости, кому — сесть рядом и дать выплакаться без лишних слов. Я двигалась от одной к другой почти автоматически, боковым зрением отмечая эларийских врачей. Они были хорошими — я видела, как быстро они реагировали на физиологические показатели. Но они пытались лечить тела, пока рушилось пространство вокруг этих женщин. Им не хватало понимания, что паника — это не только пульс и давление.

— Меня тошнит, — прошептала одна девушка.

— Потому что ты три часа не ела и решила бояться на пустой желудок. Это неконструктивно.

— Я не могу улететь, у меня отец больной...

— Значит, ты уже улетаешь с чувством вины, которое не помещается в багаж. Сейчас сначала не падаем, потом будем думать.

— А если они... — она покосилась на эларийцев и запнулась.

Я проследила за её взглядом.

— Очень высокие? С ушами? Выглядят так, будто легко перекусят переборку? Да, заметила. Но пока никто никого не ест. Более того, они ужасно стараются быть деликатными. Просто деликатность у двухметровых хищников выглядит немного угрожающе. Придётся потерпеть.

Женщина всхлипнула и вдруг улыбнулась сквозь слёзы.

Минут через двадцать зал уже дышал иначе. Плач не исчез, но перестал быть всеобщим. В одном углу я посадила троих наиболее стабильных и велела им просто разговаривать со всеми, кто начинает уходить в панику.

— О чём угодно, — приказала я. — О погоде, о еде, о том, как вы ненавидите эту программу. Главное — не молчите.

— Вы умеете командовать, — заметил тот самый эларийский врач, подойдя чуть ближе. Я смерила его взглядом.

— Я хирург. У нас это профессиональное.

— Ваши методы... эффективны.

— Я польщена. А теперь скажите своим коллегам перестать так драматично стоять по периметру. У некоторых женщин уже развилась боязнь очень крупных теней.

— Они обеспечивают безопасность.

— А заодно выглядят как элитный отряд похитителей невест. Уберите хотя бы половину. В его глазах мелькнуло что-то похожее на искру веселья. Совсем крошечную.

— Я передам.

— Прекрасно. И ещё... хвостом не дёргайте так резко, вы нервируете группу.

Он замер.

— Простите?

— Вот это. — Я изобразила рукой короткое резкое движение. — Сразу возникает ощущение, что сейчас кого-то поймают и утащат в вентиляцию.

Позади меня снова рассыпался смех. Уже совсем живой.

Я как раз собиралась идти к женщине у окна, когда за спиной раздался знакомый голос:

— Доктор Валенс.

Сейлар. Высокий, спокойный, в светлой медицинской форме, с планшетом в руке и тем самым выражением лица, которое можно было читать по-разному. То ли он только что увидел катастрофу, то ли узнал, кто именно её уже успел возглавить. Его хвост был почти неподвижен — сосредоточен.

— Ваши люди опять недооценили человеческую панику, — сказала я, вытирая ладони о брюки.

Он окинул взглядом зал: воду, расставленные стулья, моих случайно образованных помощниц, врачей, которые теперь двигались по моей логике.

— Я вижу, вы тоже времени не теряли.

— Кто-то же должен был. Иначе через десять минут вы грузили бы на борт пятьдесят истерик, три обморока и один коллективный бунт.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Благодарю.

— О, как официально. Я ожидала хотя бы медаль за спасение репутации вашего медотсека.

— Медаль можно обсудить позже. — Он сделал шаг ближе, но остановился ровно на той границе, где профессиональная дистанция ещё сохранялась. — Вы помогли больше, чем кажется. Им просто нужен был кто-то свой. Кто-то, кто понимает, что происходит с телом, когда тебя вырывают из привычного мира.

Я не отвела взгляда, хотя его слова задели сильнее, чем хотелось.

— Что дальше?

— Посадка уже начинается. Остальных распределяют по секциям постепенно. А вас я хотел бы отвести в каюту раньше.

— Думаете, я выгляжу вымотанной?

— Я думаю, что ваши вещи уже доставлены. — Он говорил спокойно, но в его голосе звучала та особая врачебная логика, с которой невозможно спорить. — И если вы останетесь

здесь ещё на полчаса, женщины начнут искать вас вместо медицинского персонала. Вам нужно выйти из роли опоры до того, как вы сами рухнете.

Я медленно выдохнула. Чёрт. Он был прав — я чувствовала, как дрожат пальцы, как тяжелеет затылок и как шум зала всё ещё гудит под кожей.

В этот момент я поймала взгляд той самой девушки у стены, которой помогала дышать. Она не смотрела на меня как на спасительницу. Скорее — как на что-то устойчивое в комнате, где всё остальное шаталось.

— Ладно, — сказала я, отводя взгляд. — Ведите. Пока я не решила окончательно захватить ваш корабль.

— Я именно этого и боялся, — ответил Сейлар с безупречно спокойным лицом.

Коридор посадочного шлюза был длинным, прозрачным и тихим. После зала это почти оглушало. Лайнер впереди раскрывал входной сектор, мягкий золотистый свет струился по гладким стенам, воздух пах чем-то свежим, прохладным и едва уловимо древесным.

— Это нормально, что у вас даже корабли пахнут лучше, чем большинство земных мужчин? — спросила я, пока мы шли.

Сейлар не сбился с шага.

— Не уверен, что это корректный медицинский критерий.

— А жаль. Я бы многое по нему пересмотрела.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Вы устали.

— Да.

— И потому особенно язвительны.

— Нет. Это моя стабильная личностная черта.

На борту всё было просторно, красиво и до раздражения продуманно. Широкие коридоры, мягкий свет без видимых источников, панели из тёплого металла и полупрозрачного камня, живая зелень в нишах стен — у меня до сих пор не укладывалось в голове, что это корабль, а не дорогой отель, случайно научившийся летать между звёздами.

Навстречу нам проходили эларийцы экипажа. Все — безупречно собранные, вежливые. Некоторые смотрели на меня с уважительным любопытством, некоторые деликатно отводили взгляд. Видимо, статус «чрезвычайно ценного гостя» здесь действительно не был пустой формулировкой.

— Честно? Меня немного пугает, насколько у вас всё комфортно, — сказала я.

— Почему?

— Обычно, когда человека хотят куда-то увезти против воли, интерьер бывает хуже.

Сейлар на секунду прикрыл глаза.

— Вы способны испортить любую дипломатическую формулировку.

— Это талант.

Мы остановились у двери в жилом секторе. Сейлар протянул мне тонкий гибкий браслет.

— Временный идентификатор. Достаточно для доступа в каюту, медицинский сектор и основные зоны отдыха.

— И это уже половина моего нового гражданства?

— Пока только дверь и базовая безопасность.

— Разочарована. Я надеялась хотя бы на небольшой кусочек межзвёздной власти.

Дверь скользнула в сторону. И я замолчала.

Кабюта была больше моей старой квартиры. Светлая, с мягкими тёплыми оттенками, панорамным окном во всю стену и видом на далёкую Землю. Большая кровать, зона отдыха с

диваном, встроенный шкаф, живая зелень, рабочий стол, отдельная ванная. На столике стоял поднос с водой, чаем, фруктами и маленькой карточкой приветствия на двух языках.

— Это каюта или апартаменты какого-нибудь высокопоставленного кота? — спросила я.

— Стандартная каюта первого сектора для участниц программы, — ответил Сейлар, оставшись у двери.

— Вы ужасно разбаловали своих будущих невест.

— Мы предпочитаем термин «гости».

Я подошла к окну. Земля отсюда была уже не миром под ногами, а видом — красивым, далёким, молчаливым.

— Остальные тоже будут размещены по одной?

— Да. Каждой выделена личная каюта. При желании вы сможете общаться в общих зонах, но пространство у вас будет своё.

Я кивнула. Это было важно.

— Через два часа начнётся мягкая адаптационная встреча. Без формальностей, просто знакомство с правилами корабля. До этого можете отдыхать. Если понадобится врач — вызывайте сразу.

— Вас?

— В том числе.

Я наконец обернулась. Он стоял спокойно, как всегда собранный, только в глазах была та усталая внимательность, которая делала его не функцией, а живым человеком.

— Спасибо, — сказала я уже без иронии. — За то, что не попытались меня остановить.

Сейлар посмотрел на меня несколько секунд.

— Вы были там нужны.

Простая фраза. Но от неё у меня на миг перехватило дыхание. Потому что после смерти матери я слишком часто чувствовала себя не нужной, а просто полезной. Это похожие вещи, но совершенно не одинаковые.

— Отдыхайте, Мириэль, — сказал он. — У вас был тяжёлый день.

— У меня тяжёлый месяц.

— Тогда начните хотя бы с вечера.

Он развернулся к двери, потом вдруг остановился.

— И ещё. Женщины внизу действительно стали спокойнее после вас. Они будут это помнить.

— Это плохо. Я не люблю производить впечатление героини.

— Не думаю, что у вас есть выбор.

После его ухода дверь мягко закрылась, и в каюте стало тихо. Настояще тихо. Не больнично, не пусто, не мёртво, как в квартире после мамы. А бережно — словно пространство здесь изначально было создано так, чтобы человек мог выдохнуть.

Я медленно сняла пальто, поставила чемоданы у стены. На кровать легли мои вещи, на стол — папка с документами. На подоконник у окна я положила уродливый амулет старика и мамин рецептник с рыжей лисой на обложке. Потом достала кардиган и накинула на плечи.

Только тогда стало чуть легче.

Я села на край кровати и уставилась в окно. Где-то там, по кораблю, уже расходились другие женщины — испуганные, измотанные, злые или, наоборот, упрямо собранные. Впереди был месяц перелёта, новый язык, новая планета, досье на стаи, встречи, выбор. Семья.

Я медленно выдохнула и откинулась назад. Семья. После матери у меня её не было. После бывшего — тем более. Я вообще не была уверена, что умею строить нормальные отношения. А теперь мне предстояло вписать в собственное будущее не одного мужчину, а целую стаю — несколько огромных, хищных, инопланетных существ с ушами, хвостами и очень сложным мнением о том, как должна выглядеть их женщина.

Я закрыла лицо ладонями и тихо застонала.

— Замечательно, Мириэль. Ты даже с одним земным идиотом не справилась, а теперь попробуй построить счастье с целым отрядом крупных космических самцов.

Тишина в каюте, к счастью, не возражала.

Я уронила руки и снова посмотрела на Землю. Она была далеко. Уже слишком далеко, чтобы до неё дотянуться, но всё ещё достаточно близко, чтобы болело.

Я встала, подошла к окну вплотную и положила ладонь на прозрачную панель.

— Ладно, — сказала я едва слышно. — Попробуем. Не великую любовь, не судьбу, не красивую сказку. Просто попробуем выжить. Не потерять себя. Не позволить этому новому миру сломать меня под удобную форму. И если получится — однажды действительно создать что-то похожее на дом.

Я невольно усмехнулась, разулась, села на кровать с ногами и натянула кардиган плотнее. За окном Земля медленно, почти незаметно, становилась меньше. А всё, что я смогла унести с неё, лежало рядом: два чемодана, уродливый амулет, мамин рецептик и кардиган, пахнувший домом, которого больше не было.

Глава 4

Мириэль

Момент, когда лайнер отстыковался от орбитальной станции, я почувствовала не телом.

Корабль почти не дрогнул — ни толчка, ни пугающего гула, ни неприятного давления в груди, как в старых земных шаттлах. Всё произошло так мягко, что обычный человек, возможно, и не понял бы, в какую именно секунду между «ещё можно вернуться» и «обратно уже нет» легла окончательная граница. Но я поняла. Наверное, потому что слишком долго жила на изломе и научилась чувствовать такие вещи раньше, чем разум успевает дать им название.

Я стояла у панорамного окна своей каюты, прижимая пальцы к прохладной прозрачной панели, и смотрела, как станция медленно отдаляется. Огромное кольцо металла, света и стекла становилось всё меньше. Ещё дальше — Земля. Невероятно красивая отсюда. Светлая, живая, переливающаяся голубым, белым и золотистым. Настолько прекрасная, что почти невозможно поверить, сколько боли и страха может скрывать такая красивая планета.

Я смотрела на неё и пыталась сказать себе что-нибудь правильное. Что новый мир — это шанс. Что я сама выбрала этот путь. Что назад меня по-настоящему уже ничего не держало. Что мама бы поняла.

Но все правильные мысли звучали искусственно. Правдой было другое. Мне было больно. Не истерично — глубоко, тихо, почти беззвучно. Так болит то, что не отрезали сразу, а осторожно вынимали изнутри по миллиметру, пока ты ещё дышал и делал вид, что терпишь.

— Ну вот и всё, — сказала я вполголоса собственному отражению в стекле. — Ты официально улетела с планеты. Просто великолепно.

Отражение выглядело усталым и не слишком впечатлённым моим сарказмом. Рыже-медные волосы распущены, под глазами тени, на плечах серый кардиган матери. На запястье — временный браслет доступа. На пальце — её кольцо. За спиной — каюта, слишком комфортная для человека, которого будто вывернули наизнанку.

Я медленно выдохнула.

— Пока, Земля.

Слова прозвучали почти глупо. Но что ещё говорят своей планете, когда она остаётся позади? «Спасибо»? За то, что дала мне профессию, ум, больницу, мать, а потом забрала почти всё, что делало меня дома? За то, что с одной стороны восхищалась моими руками, а с другой — с радостью сдала бы меня на опыты, узнай кто-нибудь правду?

Нет. Спасибо не подходило.

Я ещё немного постояла у окна, пока корабль не начал плавный разворот и Земля не сдвинулась в сторону, уступая место звёздам и черноте. Вот тогда я наконец отошла.

Первые дни на лайнере оказались странными.

Не тяжёлыми в привычном смысле слова. Здесь не было угрозы, боли, грязи, суеты. Напротив — всё дышало продуманной, почти чрезмерной заботой. Воздух мягкий, чуть прохладный. Освещение живое, подстраивающееся под биоритмы. Еда — неожиданно отличная. Пространства — гораздо больше, чем ожидаешь от корабля. Даже тишина здесь была не пустой, а будто специально рассчитанной, чтобы не давить на нервную систему.

Это бесило. Потому что очень сложно злиться на цивилизацию, которая так тщательно следит за тем, чтобы тебе было удобно ненавидеть происходящее.

В первый же день мне активировали основной коммуникатор — тонкий, почти невесомый браслет, который синхронизировался с телом и выдал временный статус гражданки Эла-

рии. Устройство откликалось на прикосновение, голос, нервные импульсы, и каждая новая функция раздражала меня всё сильнее своей элегантностью.

— Ещё немного, и я начну подозревать, что вы действительно умеете делать вещи хорошо, — сказала я технику, который объяснял интерфейс.

Молодой элариец с очень серьёзными глазами чуть заметно смутился.

— Мы стараемся.

— Вижу. Это тревожит.

Он не понял, шучу я или нет. Я, если честно, тоже не до конца понимала.

Женщин на борту постепенно распределили по секторам. Кто-то быстро начинал осваиваться, кто-то по-прежнему плакал ночами, кто-то держался за злость как за костыль. Несколько раз меня просили прийти в общие зоны просто потому, что рядом со мной другим становилось спокойнее. Меня это удивляло. Я никогда не считала себя утешительным человеком — скорее тем, кто может заставить собраться, встряхнуть и не дать развалиться окончательно. Но, видимо, иногда именно это и нужно.

На второй день начались обязательные этапы адаптации: осмотры, проверки, настройка графика сна, лекции о правилах корабля, общие вводные по культуре. А на третий день мне предложили пройти тест на способности.

Вот тут стало по-настоящему интересно.

Это произошло в медицинском секторе, куда меня вызвали после очередной оценки нейронной активности. Кабинет — полукруглый, залитый мягким золотистым светом. Прозрачные панели висели в воздухе, отображая схему моей нервной системы, параметры адаптации и ещё десяток показателей, которые любой уважающий себя врач считает почти автоматически.

Сейлар стоял у центральной консоли — спокойный, собранный, и, как всегда, слишком быстро понимающий больше, чем хотелось бы. Рядом с ним находился суховатый темноволосый элариец с лицом учёного, много лет прожившего в обществе цифр и потому с трудом терпящего людей.

— Доктор Валенс, — начал он после приветствия, — в рамках углублённой адаптации мы предлагаем вам пройти дополнительную оценку ментальных и энергетических способностей.

Я медленно подняла бровь.

— Предлагаете. То есть это не обязательно.

Он сделал короткую паузу.

— Формально — нет. Но результаты помогли бы лучше подобрать дальнейшую программу.

Я смотрела на него молча. Слишком долго для вежливой беседы и слишком мало, чтобы это считалось прямым вызовом. Внутри же всё стало ледяным и очень собранным.

Вот оно. Слишком высокий процент совместимости. Слишком пластичная биология. Слишком хороший мозг. Конечно, им захочется заглянуть глубже. Проблема заключалась в том, что, если кто-нибудь когда-нибудь заглянет в меня по-настоящему глубоко, всё закончится очень плохо.

— Нет, — сказала я спокойно.

Учёный моргнул.

— Простите?

— Я отказываюсь.

— Доктор Валенс, возможно, вы не совсем понимаете...

— О, нет, — перебила я его так же ровно. — Как раз понимаю прекрасно. Вы хотите добровольный тест, чтобы оценить мой дар, глубину ментального потенциала и прочие удивительные вещи, о которых потом напишете очень красивый отчёт. А я не собираюсь этого делать.

В кабинете стало тихо. Сердце ударило слишком ровно — не от спокойствия, а потому что я сама удержала его ритм. Пальцы не дрогнули. Я давно умела не дрожать, когда становилось смертельно опасно.

— У большинства одарённых нет причин отказываться, — осторожно заметил учёный.

— У большинства одарённых нет моего характера и моей степени недоверия к научным системам.

— Тест не представляет угрозы.

— Это вы так говорите.

— Мы не Земля, доктор Валенс.

— Прекрасно. Тогда вам тем более не придётся обижаться на мой отказ. У вас нет привычки принуждать, верно?

Это был удар точно по дипломатической гордости. Я знала это. Он знал это. Сейлар, судя по едва заметному движению хвоста, тоже знал.

— Вы скрываете что-то? — сухо спросил учёный.

Я улыбнулась очень вежливо.

— Все приличные люди что-то скрывают. Это не повод пускать им в голову аппаратуру.

— Речь о безопасности.

— Тогда хорошая новость: я не представляю угрозы, пока меня не попытаются расковырять.

— Достаточно, Иарас, — вмешался Сейлар.

Его голос прозвучал негромко, но так, что спор автоматически закончился. Учёный повернулся к нему.

— Нам нужны точные данные.

— Нам нужно добровольное согласие, — спокойно ответил Сейлар. — Его нет.

— Это нелогично.

— Люди нередко такими бывают.

Иарас явно хотел возразить ещё что-то, но встретился взглядом с Сейларом и осёкся.

— Ваш отказ будет зафиксирован, — произнёс он сухо.

— Зафиксируйте красивым почерком. Чтобы история не забыла моё упрямство.

Когда дверь за ним закрылась, я наконец повернулась к Сейлару полностью.

— Не говорите мне, что я усложняю вам жизнь. Я и так знаю.

— Ты усложняешь жизнь очень многим людям, — невозмутимо сказал он. — Но не этим.

— Какое великодушие.

— Я бы назвал это здравым смыслом.

— Для врача у тебя подозрительно часто встречается это качество.

Он чуть наклонил голову.

— Ты действительно не хочешь проходить тест? Или не можешь себе позволить?

Вопрос был задан тихо — без давления, без ловушки в голосе. И всё же я почувствовала, как внутри мгновенно собирается защита.

— Какая разница?

— Для меня — большая.

Я смотрела на него несколько секунд, потом отвела взгляд к голограмме своих нервных показателей.

— Скажем так, у меня крайне сложные отношения с любимыми системами, которые хотят знать о моём мозге больше, чем я готова рассказать сама.

Он помолчал.

— Этого ответа мне достаточно.

Я вскинула на него глаза.

— И всё? Без попытки «я врач, вам можно мне доверять»?

— Нет. — Он чуть заметно усмехнулся. — Я не настолько самоуверен.

— Лжёшь.

— Иногда.

— Хотя что-то человеческое.

Он не ответил, но уголок его рта дрогнул. А я поймала себя на мысли, что впервые за много лет кто-то задал вопрос почти у самой опасной границы — и не попытался протолкнуться дальше.

Это было... непривычно. И слишком точно.

В тот вечер, оставшись одна в каюте, я долго сидела перед тёмным окном, прокручивая разговор в голове. Отказ ничего не доказывал. Но отказ всегда оставляет след. Где-то в системе рядом с моим именем только что появилась ещё одна пометка. И я очень надеялась, что эларийцы умеют уважать границы лучше, чем любят свои данные.

Подготовка к обучающему сну началась в тот же вечер.

По документам всё звучало красиво: ускоренное усвоение информации, адаптация мозга к новым данным, язык, культура, нормы общества. На практике это означало, что тебя соберутся уложить в высокотехнологичный саркофаг и аккуратно нафаршировать новой цивилизацией, пока ты спишь.

Когда Сейлар принёс мой предварительный учебный план, я прочитала его один раз и подняла взгляд.

— Это шутка?

Он стоял напротив моего рабочего стола в маленьком консультационном кабинете и, похоже, уже знал, что разговор будет неприятным.

— Нет.

— Тогда кто составлял эту программу? Очень талантливый человек, уверенный, что женщинам достаточно знать язык, традиции, основы быта и как красиво не падать в обморок на официальных приёмах?

Сейлар медленно выдохнул.

— Это стандартный расширенный курс для участниц.

— Вот именно. Стандартный. А я не стандартная.

— Это я уже заметил.

Я снова посмотрела на список: язык, культура, история, социальные нормы, этикет, базовая медицинская самопомощь, основы репродуктивной адаптации, психология межвидовой семьи. Меня едва не передёрнуло.

— Нет, Сейлар. Я не полечу в чужую цивилизацию и не ограничусь курсом «как быть удобной, вежливой и информированной». Мне нужен доступ к юриспруденции Эларийцев.

Он замер на полсекунды.

— Зачем?

Я медленно подняла голову.

— Ты сейчас серьёзно спрашиваешь, зачем женщине, которую отправили в другую звёздную систему по договору между цивилизациями, знать местные законы?

— Базовые правовые нормы входят...

— Базовые — это подачка. Мне нужен полный курс. И кроме юриспруденции — полный медицинский курс вашей цивилизации. Не облегчённый, не обзорный. Полный.

— У тебя уже есть медицинское образование.

— Земное. А я лечу в мир с другой анатомией, другой биохимией, другими протоколами и технологиями, которые опережают наши на столетия. Если вы правда считаете меня ценным врачом, а не просто удачной биологией, то не будете возражать.

Он выдержал паузу.

- Ты хочешь перегрузить программу.
- Я хочу не быть слепой.
- Мозгу нужно время на интеграцию.
- Значит, добавим время.
- График корабля не подстраивается под твой максимализм.
- Плохо. Придётся ему научиться.

Сейлар медленно скрестил руки на груди.

- Ты упрямая до степени клинического диагноза.
- Упрямство — часть профессионального стандарта.
- Ты требуешь курс, который обычно дают годами, а не в адаптационном сне.
- Нет. Я требую основу, чтобы потом не чувствовать себя беспомощной идиоткой в

мире, где от законов и медицины зависит моя жизнь.

Он посмотрел на меня пристальнее.

- Ты не собираешься просто приехать, выбрать стаю и раствориться в новой реальности.
- Какое потрясающее наблюдение. Да, не собираюсь.
- Почему?

Я тихо рассмеялась без веселья.

— Потому что один раз в жизни я уже позволила миру решать за меня, как мне будет удобнее существовать. Больше такого подарка никому не сделаю.

В кабинете повисла тишина. Сейлар подошёл к столу ближе, опёрся ладонями о край и чуть наклонился — не давить, не возвышаться, просто говорить в одной плоскости.

— Расширенная программа — это риск. Перегрузка мозга, повышенная утомляемость, более тяжёлая адаптация в первые недели.

- Принимается.
- Возможны мигрени, скачки давления, раздражительность.
- То есть мой обычный характер останется при мне. Удобно.
- Мириэль.
- Что?

Он смотрел на меня так, будто пытался понять, где кончается мой сарказм и начинается страх. Непростая задача. Я и сама не всегда знала ответ.

— Если я согласую расширенный план, — сказал он наконец, — ты обязуешься не геройствовать после выхода. Полный мониторинг, контрольный осмотр, никаких попыток сразу читать всё подряд и спорить с системами.

- А также?
- Никакого кофе в первые двенадцать часов.

Я уставилась на него.

- Ты перешёл черту. Это бесчеловечно.
- Мы не люди.

Я замолчала. Потом медленно улыбнулась.

- Нечестный аргумент.
- Зато эффективный.

Мы смотрели друг на друга ещё несколько секунд, и где-то между раздражением и профессиональной злостью я вдруг поняла: мы спорим уже не как пациентка и врач, а как двое взрослых упрямых специалистов, каждый из которых считает себя ответственным за ситуацию. Это нравилось мне больше, чем должно было.

- Хорошо, — сказала я. — Сутки без кофе.
- Двое.
- Полтора.
- Двое.

— Ты садист.

— Военный врач. Это почти одно и то же.

— Двое суток, — сдалась я. — Но за это ты добавляешь мне полный курс медицины и юриспруденции.

— Основы законодательства, расширенный семейный кодекс, гражданское право, базовую судебную систему, правовой статус женщины в стае и медицинское право.

— И обзор судебных прецедентов.

— Ты издеваешься.

— Немного.

Он выпрямился, взял планшет и внёс изменения.

— Хорошо. Программа будет утверждена.

Я довольно улыбнулась.

— Я выиграла.

— Ты измотала меня настолько, что я предпочёл уступить.

— Это и есть разновидность победы.

Он покачал головой, но в глазах мелькнула спокойная ирония, от которой у меня каждый раз возникало странное чувство: рядом с ним не нужно держать оборону каждую секунду. Я слишком быстро к этому привыкала. Это было опасно.

— Подготовка займёт несколько часов, — сказал он. — До вечера система перепишет твой профиль.

— Прекрасно. А я пока пойду морально готовиться к тому, что вы собираетесь загрузить мне в голову половину своей цивилизации.

— Советую отдохнуть.

— Слишком поздно. Я уже выбрала злиться.

— Это тоже форма бодрствования.

— Вот видишь. Ты начинаешь меня понимать.

— Это и пугает.

Отдохнуть, как ни странно, я действительно пошла. Не в каюту — на смотровую площадку.

Полукруглый зал со стеклянным куполом, живыми растениями по краям и таким количеством звёзд за прозрачной стеной, что голова слегка отказывалась принимать их как реальность. Здесь было темнее, чем в остальных зонах, воздух прохладнее. Несколько женщин иногда приходили сюда по вечерам, но сейчас площадка оказалась почти пустой.

Я села в дальний угол, поджала под себя ноги и закуталась в мамин кардиган. Тишина. Звёзды. Едва уловимый гул корабля. И мысли, от которых в обычной жизни можно было бы отвлечься работой, но здесь — уже нет.

Я думала о даре. О том, как легко забыть, насколько он страшный, если использовать его только для спасения. В операционной он казался продолжением рук — точным инструментом. Но это была не вся правда. Внутри меня жило нечто, что сломало бы мою жизнь мгновенно, узнай об этом не те люди. Визари. Протокол «Ноль». Я росла с пониманием, что моё выживание зависит от молчания — и от матери, которая молчала лучше всех.

А теперь я летела в цивилизацию, где наука была сильнее земной в разы. И где один спокойный военный врач уже явно чувствовал: во мне есть нечто большее, чем я хочу показать.

— Прекрасно, — пробормотала я. — Спрятать чудовище в другой звёздной системе. Что вообще может пойти не так?

— Многое, — раздался негромкий мужской голос неподалёку.

Я резко подняла голову. Двое эларийцев стояли у входа. Один — высокий, с короткими тёмными волосами, военной осанкой и тяжёлым, собранным профилем. Второй — чуть ниже, широкоплечий, с длинными светлыми волосами и выражением лица человека, которому уже давно всё известно о сложности чужих характеров. Они меня не заметили. Или сделали вид.

— Если Рейгар снова откажется присутствовать на предварительном совете, — тихо произнёс светловолосый, — комитет по допуску может официально задержать рассмотрение их заявки на участие в первой фазе.

Я насторожилась. Заявка на участие. Первая фаза. Значит, они обсуждали не просто абстрактную стаю, а тех, кто реально подал запрос на встречу с землянками.

— Рейгар объясняется один раз, — отозвался чёрноволосый. — После этого остальные просто перестают спорить.

— Именно это и тревожит. Когда он молчит, половина комитета нервничает сильнее, чем если бы он орал.

— Он не орёт.

— Вот именно.

— А Дарек? — спросил светловолосый. — Его вообще допустят к дипломатическому блоку после инцидента с советником Таэри?

Чёрноволосый коротко усмехнулся.

— Дарека допустят куда угодно, если Рейгар решит, что это нужно. Другое дело, что после него обычно остаётся слишком много сломанных нервов.

— Кайлен, насколько я слышал, уже взломал защитные протоколы комитета, чтобы проверить, кто подавал запросы на ту же группу женщин.

— Кайлен вмешивается во всё, что считает недостаточно умным. А Эйрен?

Повисла короткая пауза.

— Эйрен, как всегда, выглядит самым спокойным. И потому я бы предпочёл иметь дело с Дареком.

Я медленно перебирала в уме услышанное. Не просто влиятельный мужчина — стая. И судя по интонациям, такая, при упоминании которой даже взрослые опытные эларийцы начинают говорить тише.

— Думаешь, их правда допустят к землянкам? — спросил светловолосый.

Чёрноволосый покачал головой.

— Кто остановит дом, где флот, разведка, закрытые технологии и половина корабельной промышленности в одной стае? Для них не подбирают. От них молятся держаться подальше.

— Это не смешно.

— Я и не шучу.

Я едва не фыркнула. Четверо огромных, опасных, влиятельных хищников, от которых собственная цивилизация предпочитает держаться на безопасном расстоянии. Просто чудесно.

— И всё же, — тихо произнёс светловолосый, — если они действительно пройдут отбор, женщине придётся быть особенной.

— Женщине придётся быть безумной, — отозвался второй.

Вот тут я не выдержала.

— Или земной одарённой, — сказала я вслух.

Оба резко обернулись. Удивление на лицах эларийцев всегда выглядело выразительно: сначала менялись глаза, потом чуть дёргались уши, и только потом подключалось всё остальное. Я сидела, кутаясь в кардиган, и смотрела на них с самым невинным видом.

— Простите. Нечаянно подслушала ваш вдохновляющий разговор о четвёрке опасных мужчин. И пришла к выводу, что только земная одарённая женщина способна не сойти с ума рядом с такими экземплярами.

Светловолосый моргнул первым. Чёрноволосый смотрел на меня пристально, почти изучающе.

— Вы давно здесь?

— Достаточно, чтобы узнать, что у вас существует стая, от которой взрослые мужчины говорят шёпотом. Это впечатляет.

— Это была приватная беседа.

— А я приватно сидела в дальнем углу, пока вы не начали озвучивать имена.

Чёрноволосый неожиданно усмехнулся — совсем чуть-чуть.

— Вы землянка из первой группы. Та самая, которая устроила порядок в секторе при-
бытия.

— Слухи путешествуют быстрее межзвёздных лайнеров.

— Иногда да.

Я чуть склонила голову.

— Так что, эти ваши мужчины действительно настолько проблемные?

— Это зависит от того, кого вы спрашиваете.

— Очень дипломатично. Значит, да.

Светловолосый заметно помрачнел.

— Вам не стоит интересоваться вещами, которые вас не касаются.

— Наоборот. Всё, что связано с вашими стаями, однажды может начать очень даже меня касаться. Я просто заранее расширяю кругозор.

Чёрноволосый смотрел на меня с явным интересом.

— И вы не боитесь?

Я пожала плечами.

— Боюсь многого. Но большие влиятельные мужчины давно не входят в список моих главных катастроф.

Эта фраза заставила его уши чуть заметно качнуться вперёд. Кажется, любопытство. Или я уже слишком самоуверенно решила, что понимаю их хвосты лучше, чем прилично на третий день полёта.

— Любопытный ответ, — сказал он.

— У меня вообще обширный ассортимент неприятных достоинств.

Светловолосый, кажется, окончательно решил, что я — бедствие с рыжими волосами. И был не так уж неправ.

К счастью, именно в этот момент на площадке появился Сейлар. Я почувствовала его присутствие раньше, чем повернула голову. За эти дни я привыкла отмечать в пространстве его собранную фигуру — просто потому, что он оказывался рядом именно тогда, когда требовалась помощь или точное слово. Не лучшая привычка.

— Я надеялся найти тебя здесь, — сказал он, подходя ближе, и перевёл взгляд на двух мужчин.

Те ответили сдержанными кивками. Значит, знали друг друга.

— Мы не помешали? — спросил чёрноволосый.

— Зависит от того, о чём вы говорили.

Я невинно улыбнулась.

— О том, что где-то в вашей системе есть стая из четырёх очень опасных мужчин, для которых нормальную женщину, видимо, просто жалко.

Светловолосый закрыл глаза на секунду. Чёрноволосый снова усмехнулся. А Сейлар медленно перевёл на меня взгляд, полный усталого понимания.

— Разумеется. И ты, конечно, не могла не прокомментировать.

— Я скромно расширяла межзвёздную осведомлённость.

— В этом я не сомневаюсь.

Он подошёл ближе.

— Всё готово. Мы можем начинать.

Я выпрямилась не сразу. Смотровая площадка, звёзды, чужие имена, тихая ирония — всё это вдруг стало казаться последней отсрочкой перед чем-то действительно серьёзным.

— А если я передумаю?

— Не передумаешь.

— Какая самоуверенность.

— Это знание твоего характера.

— Неприятно, когда тебя так быстро читают.

— Я стараюсь использовать это аккуратно.

Двое эларийцев у входа явно почувствовали, что сцена закончилась. Чёрноволосяый коротко кивнул мне.

— Надеюсь, обучение не испортит вашу способность к неуместным комментариям.

— Боюсь, это уже неизлечимо.

Когда они ушли, я повернулась к Сейлару.

— Значит, всё-таки капсула.

— Да. Программа переписана, право и медицина добавлены, кофе запрещён на двое суток.

— Ты чудовище.

— Я уже слышал.

Мы шли по тихим коридорам к медицинскому сектору, и с каждым шагом чувство нереальности становилось плотнее. Не страх — скорее ощущение, что я иду к точке, после которой прежняя версия меня начнёт меняться. Ещё не внешне, но внутри. В языке, в знаниях, в том, как я смогу защищаться.

— Сейлар, — сказала я, когда мы подошли к дверям.

— Да?

— Если я после выхода стану ещё более невыносимой, это будет считаться побочным эффектом программы?

Он посмотрел на меня и неожиданно улыбнулся — мягко, но без той теплоты, от которой перехватывает дыхание. Скорее как человек, который слишком хорошо знает цену чужому упрямству.

— Нет. Это будет считаться сохранением личности.

Почему-то именно эта фраза задела сильнее, чем хотелось. Не нежностью — точностью.

— Отлично, — пробормотала я. — Хоть что-то останется стабильным.

Медицинский блок встретил нас мягким светом и почти священной тишиной. Капсулы для обучающего сна располагались в отдельном секторе — полупрозрачные, гладкие, похожие на произведение искусства. Внутри одной из них уже была подготовлена моя программа — расширенная, выбитая упрямством и спором с очень терпеливым военным врачом.

Сейлар остановился рядом.

— Готова?

Я посмотрела на капсулу, на свои руки, на кольцо матери. Потом на него.

— Нет. Но, кажется, это уже не имеет значения.

Он кивнул — спокойно, без лишних слов. И именно это помогло больше всего.

Я сняла кардиган, аккуратно сложила его на кресло, коснулась кольца и шагнула к капсуле. Новая жизнь не собиралась спрашивать, удобно ли мне.

Придётся научиться входить в неё самой.

Глава 5

Мириэль

Я пришла в себя рывком.

Меня будто выдернули из глубины за нервы, за позвоночник, за сам мозг. Тело вздрогнуло, пальцы судорожно сжались, лёгкие с болью втянули воздух — и в ту же секунду в голове вспыхнул белый, режущий свет сирены.

Надо мной была прозрачная крышка капсулы. В висках стучало так, будто кто-то бил изнутри молотком. Язык прилип к нёбу. Тело казалось одновременно тяжёлым и пустым, как после очень долгой болезни. А в голове — ощущение, будто туда за последние часы насильно втиснули целую библиотеку.

Потом память вернулась лавиной. Лайнер. Обучающий сон. Расширенная программа. Право. Медицина. Язык. Сейлар. Капсула.

И — сирена.

Красный свет мигал по потолку сектора, превращая белые стены в нервно пульсирующую плоть. Где-то сверху заговорил голос корабельного ИИ — на эларийском. И я поняла его с первой секунды. Чужой язык лёг в сознание, как будто всегда там был. Не переводом. Сразу смыслом.

— Внимание. Зафиксировано враждебное проникновение в сектор двадцать один. Активирован протокол боевой изоляции. Гражданским лицам оставаться в защищённых помещениях. Медицинским секторам перейти в режим эвакуационной готовности. При обнаружении противника не вступать в контакт. Ожидать прибытия сил флота и охраны.

На последней фразе я едва не расхохоталась. Не вступать в контакт. Отличный совет для женщины, которая лежит в капсуле в секторе, отрезанном от остального корабля, вместе с десятками таких же безоружных и полусонных одарённых.

Крышка поднялась. Я рывком села, и мир качнулся. Перед глазами поплыло, желудок скрутило, в ушах зазвенело. Я вцепилась пальцами в края капсулы и опустила голову, дыша коротко и осторожно.

Жива.

Я подняла взгляд. Сектор капсул был огромным — полукруглый зал, ряды прозрачных камер, красные вспышки тревоги на стенах. Большинство капсул ещё были закрыты, но в некоторых женщины уже начинали дёргаться, приходя в себя.

Плохо. Пробуждение после обучающего сна и так даётся тяжело, а если наложить на это тревогу и сирену — паника накроет сектор быстрее, чем кто-то поймёт, что происходит.

Я спустила ноги на пол. Колени подогнулись почти сразу.

— Да чтоб вас... — выдохнула я, удерживаясь за капсулу.

С соседней камеры раздался глухой удар. Светловолосая женщина, лет двадцати пяти, с заплаканным ещё на станции лицом, уже очнулась и в панике била ладонями по прозрачной крышке.

— Спокойно! — резко бросила я, подходя к ней. — Не дёргайся, сейчас откроется.

Она уставилась на меня расширенными глазами.

— Что происходит?

— Нападение. Но если ты сейчас начнёшь задыхаться, я лично тебя придушу за неэффективность. Дыши.

Наверное, не самая мягкая форма успокоения. Но сработало. Она вдохнула раз, другой, уже ровнее. Крышка поднялась, и я помогла ей сесть.

— Голова кружится, — прошептала она.

— Конечно кружится. Ты только что вынырнула из учебного сна под боевую тревогу. Добро пожаловать в худший день перелёта.

Я обернулась к остальным. Женщины просыпались одна за другой. Кто-то садился, цепляясь за края капсулы, кто-то плакал, кто-то дёргался, не понимая, где находится. У одной началась рвота. Ещё две уже кричали. Красный свет бил по глазам, ИИ продолжал повторять инструкции, и от этого всё становилось только хуже.

Если дать этому разрастись, мы потеряем зал до прихода любого врага.

— Слушаем меня! — крикнула я так, что голос срезал пространство почти физически. — Все, кто уже в сознании, не вставайте резко! Сначала сядьте и дышите. Если тошнит — поворачиваем голову набок. Если кружится — не геройствуем. Паниковать позже, когда не будет шанса свернуть себе шею о собственную капсулу!

Несколько лиц повернулись ко мне сразу. Им нужен был голос — жёсткий, уверенный, раздражённый. Любой, лишь бы не сирена.

Я пошла между рядами, несмотря на слабость в ногах.

— Ты, глаза на меня. Дыши. Ты, не пытайся встать, пока не перестанут дрожать руки. У кого шум в ушах — это нормально. Кто сейчас начнёт орать, получит моё личное недовольство, а оно в этом секторе и так избыточно.

Одна из девушек нервно всхлипнула и вдруг почти истерично рассмеялась. Отлично. Значит, ещё не потеряна.

Я остановилась у центральной консоли и быстро пробежалась глазами по панели доступа. Новые знания — ещё горячие после сна — вспыхнули в голове без усилия. Система корабля. Медицинские протоколы. Планировка сектора. Сектор капсул заблокирован. Внешние двери под защитной отсечкой. Автоматическая эвакуация невозможна.

Замечательно.

— Что происходит? Нам надо уходить? — раздался дрожащий голос справа.

— Пока некуда. Двери заблокированы. Это не значит, что мы обречены. Это значит, что корабль пытается не пустить к нам то, что уже лезет внутрь.

Я развернулась к залу.

— Все, кто в сознании, помогаем будить остальных. Аккуратно, без криков, без тряски. Если человек не может сразу подняться — не тащим. Сначала дыхание, потом вода, потом ориентируемся. Никто не паникует раньше меня. Это ясно?

— А если нас сейчас убьют? — тонко спросила совсем юная девушка у дальней капсулы. Я посмотрела на неё.

— Тогда это точно не та проблема, которую решает истерика.

Она пару секунд смотрела на меня, потом кивнула.

Я раздавала указания, заставляла женщин садиться полукругом у центральной платформы, нашла воду, сахарные растворы, несколько пледов. Экстренные нейростабилизаторы трогать не стала — сначала надо было понять угрозу.

А потом дверь сектора дрогнула.

Совсем тихо. Но я услышала. Что-то ударило в защитную створку снаружи — раз, второй. Затем раздался длинный металлический скрежет, будто кто-то очень спокойно вспарывал корабль когтями или инструментом, которому здесь не место. В зале стало так тихо, что слышно было чужое дыхание. Я подняла руку, приказывая молчать.

Защитная дверь мигнула, потемнела по краям и с неприятным шипением пошла трещинами по внутреннему слою. Металл в месте стыка плавился, терял структуру. Не просто взлом — энергетическое воздействие.

Внутри у меня всё стало холодным. Вайрханы. Я ещё не видела их живьём, только читала во сне: энергетические хищники, способны поглощать силу, воровать способности, пить жизненную энергию. Особенно заинтересованы в одарённых человеческих женщинах.

Дверь разошлась рывком. Холод будто вкатился в зал вместе с ними.

Их было около двадцати. Высокие, пугающе прекрасные, с белоснежной кожей, длинными светлыми волосами и ярко-красными глазами, светящимися в тревожном полумраке как угли в снегу. Двигались они слишком плавно, будто не шли, а скользили. И аура — с ними в зал вошло ощущение холода, слабости и тянущей пустоты, от которой сразу захотелось отступить, лечь, закрыть глаза, перестать сопротивляться. Несколько девушек рядом со мной задрожали почти одновременно.

Один из вайрханов шагнул вперёд — чуть выше остальных, с лицом слишком красивым, чтобы человеческий мозг принимал его без ошибки, и почти чистым алым светом в глазах.

— Наконец-то, — произнёс он на эларийском мягким, мелодичным и от этого ещё более отвратительным голосом. — Мы боялись, что придётся вас будить раньше, чем откроется доступ.

Я не дала себе права дрогнуть. Позади меня кто-то всхлипнул.

Я шагнула вперёд — одна, так, чтобы оказаться между женщинами и врагом.

— Ошиблись дверью. Комната восхищённых поклонниц дальше по коридору.

Красные глаза остановились на мне. Он улыбнулся.

— Землянка. И одарённая. Как удачно.

— А ты слишком разговорчив для захватчика.

— Ты не кричишь.

— Ты ещё не сделал ничего, достойного крика.

Это была ложь. Он уже сделал достаточно. Но переговоры — это всегда время. А время сейчас значило всё. Я краем сознания просчитала расстояние: дверь взломана, обхода нет, мы полусонные, без оружия, в закрытом секторе. Обычный бой невозможен. Значит, либо тянуть, либо использовать то, чего я клялась не использовать.

Проклятье.

В рядах девушек я увидела знакомое лицо — темноволосая, высокая, та самая, что ещё на станции говорила о даре ментальной защиты. Она уже не паниковала: глаза широко раскрыты, дыхание быстрое, но разум на месте. Я поймала её взгляд и пустила мысль — резко, точно, как лезвие в шов.

Щит. Сейчас. Накрой всех.

Девушка дёрнулась, будто от удара током, но в следующий миг втянула воздух, подняла руки, и над группой женщин дрогнула почти невидимая ментальная преграда. Сырая, спешная, но настоящая.

Вайрхан напротив меня это почувствовал. Его улыбка стала тоньше.

— Интересно. У вас есть сопротивление.

— Мы вообще неудобные. Это наша культурная особенность.

Он сделал ещё шаг.

— Вам не нужно сопротивляться. Мы пришли не за всеми. Только за сильнейшими. Остальные выживут, если будут послушны.

За моей спиной раздался тихий, захлебнувшийся ужасом вдох. Я не обернулась.

— Как мило с вашей стороны. Сразу видно воспитание.

— Ты забавная.

— А ты предсказуемый.

Ещё трое вайрханов разошлись в стороны, отсекая обзор. Они не торопились — были уверены в победе. Знали, что после обучающего сна одарённые ослаблены. Знали, что их двадцать. Знали, что помощь задержана.

Только вот я никогда не умела вести себя как добыча.

— Вы серьёзно думаете, что сможете спокойно вынести отсюда десятки одарённых женщин с корабля, полного эларийских военных? — спросила я.

— Нам не нужны десятки. И у нас есть окно. — Его улыбка стала шире. — А у вас есть несколько минут, прежде чем придут ваши защитники.

— Тогда, может, представишься? Или вы у себя дома тоже вламываетесь без приглашения и манер?

Он посмотрел на меня с явным удовольствием.

— Меня зовут Сарвейн.

— Чудесно. Теперь будет проще проклинать тебя по имени.

Позади кто-то нервно хихикнул. Сарвейн услышал — и его глаза вспыхнули ярче.

— Ты слишком спокойна.

— Я врач. Мы становимся особенно неприятными, когда нас пытаются напугать.

Я тянула секунды. Секунды, в которые пыталась думать сразу в десяти направлениях. Щит у девушки дрожал, но держался. Женщины с дарами постепенно приходили в себя — я уже чувствовала вокруг вспышки чужих способностей: телепатия, эмпатическое давление, когнитивное ускорение. Слабые, сбитые, но реальные.

А ещё я чувствовала вайрханов. Их сердца. Быстрые, хищные, чужие. Каждое — как алый огонёк в теле из белого льда.

Нет. Не надо. Не здесь. Не после обучающего сна, когда мозг стоит на грани срыва.

Я знала, что могу. В этом и была главная проблема.

Сарвейн шагнул ещё ближе, почти до невидимой линии щита, и одна из девушек за моей спиной тихо вскрикнула, схватившись за виски. Он давил, пробовал поле, играл.

— Довольно, — сказал он уже без улыбки. — Уберите щит. И я обещаю, что возьму только тех, кто действительно представляет ценность.

Во мне что-то дёрнулось так резко, что на миг стало жарко.

— А я обещаю, — сказала я очень тихо, — что если ты ещё раз назовёшь их ценностью, мне будет сложнее сохранять вежливость.

В его взгляде впервые мелькнул не развлечение, а интерес — более опасный, более внимательный.

— Кто ты такая, землянка?

Плохой вопрос. Очень плохой. Потому что ответ на него не должен звучать вслух никогда.

Я чуть склонила голову и улыбнулась.

— У тебя есть проблема важнее. Ты стоишь напротив женщины, у которой сегодня отвратительное настроение.

И в этот момент один из вайрханов слева двинулся к женщинам. Быстро. Слишком быстро для тех, кто только проснулся. Щит дрогнул под ударом его энергии. Девушка-защитница ахнула и едва не согнулась. Ещё одна закричала. Две попытались оттолкнуться дарами, но после сна их силы вышли рваными вспышками.

Всё. Переговоры закончились.

Время замедлилось. Я слышала всё сразу: собственное сердце, чужие сердца, сорванное дыхание женщин, металлический привкус во рту, сирену, энергетический гул вайрханов. Мир внезапно распался на миллионы нитей, и каждая дрожала у меня в пальцах.

Визарь. Проклятая вершина эволюции. Живое оружие.

Я шагнула вперёд и открылась. Не целиком — лишь настолько, чтобы мир из пространства превратился в сеть живых импульсов. Вайрханы вспыхнули перед внутренним зрением как узлы алой энергии, спаянные с плотью, с хищной биологией, с чужими дарами. Их сердца били быстро, мощно, красиво — как идеально отлаженные механизмы убийства.

Я выбрала их всех сразу. Почти всех.

И сжала.

Это не было ни жестом, ни словом, ни красивой магией. Просто воля. Чистая, страшная, безжалостная воля.

Первые трое рухнули сразу — как куклы, у которых обрезали нити. У остальных тела дёрнулись, сердца сорвались с ритма. Кто-то захрипел, хватаясь за грудь. Кто-то успел ударить по щиту, прежде чем я сжала сильнее. Это не было мгновенной победой. Это была бойня, в которой я держала чужие жизни в кулаке и чувствовала, как вместе с ними рвётся что-то во мне.

Я знала, как звучит остановка сердца. Слишком хорошо знала. Только обычно я всю жизнь боролась за обратное.

Ещё четверо осели на колени, захлёбываясь собственными лёгкими. Один сделал полшага и рухнул лицом вперёд с удивлением, застывшим на безупречном лице.

Сарвейн отшатнулся первым. На секунду я увидела в алых глазах чистый, неразбавленный ужас. Он понял — не кто я, не полностью, — но понял, что перед ним что-то запредельное.

Кровь пошла у меня из носа сразу, горячая, резкая. В голове будто лопнула раскалённая проволока — боль прошла от затылка до глазниц. Но я удержалась.

Из двадцати на ногах осталось пятеро. Слишком много. Чёрт.

— Сейчас! — рявкнула я, уже не скрываясь. — Бейте всем, что есть! По глазам, по разуму, по равновесию — не дайте им подойти!

И девушки ударили. Не идеально, не как тренированный отряд — но яростно. Кто-то швырнул ментальную вспышку прямо в лицо ближайшему вайрхану, тот дёрнулся и вслепую полоснул воздух длинным энергетическим лезвием. Эмпатка справа ударила волной паники так сильно, что один из нападавших на мгновение запнулся. Девушка с проекцией врезала ему в сознание ложный коридор. Щит дрожал, гнулся, но держал часть группы.

Я тоже ударила — уже не тонко, просто грубым ментальным толчком, от которого у одного из вайрханов голова дёрнулась назад, а из носа хлынула тёмная кровь.

Но этого было мало. Сарвейн, отступивший было к двери, вдруг выпрямился. Его алые глаза вспыхнули ярче — он уже не просто боялся, он анализировал. Я увидела, как он вскинул руку, и в следующий миг между нами полоснула энергетическая волна — ледяная, режущая, чужая. Меня отбросило назад, в груди вспыхнула боль, мир на секунду потерял цвета.

— Её, — услышала я его голос сквозь звон в ушах. — Берите её живой.

Он понял. Не что я, но что я — главная угроза.

Один из вайрханов прорвался через бок — слишком быстрый, слишком живой — и схватил ближайшую девушку за плечо. Она закричала так, что у меня внутри всё свело судорогой. По его пальцам пошёл алый свет, он начал тянуть её силу. Я швырнула в него всё, что осталось, — не дар даже, а сырое ментальное давление. Он отлетел в медицинскую панель, но я заплатила сразу.

Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Перед глазами вспыхнули чёрные пятна, ноги подкосились. Я чувствовала, как собственный ритм сбивается — тахикардия, переходящая в аритмию, — и машинально, на остатках сил, попыталась выровнять его. Не получилось. Тело больше не слушалось. Дар, перегруженный до предела, начал жечь саму нервную систему.

Щит наконец рухнул с ощущением лопнувшего стекла. Оставшиеся вайрханы рванули вперёд.

И в тот миг двери сектора взорвались внутрь.

Металл рвануло в стороны, воздух дёрнулся, свет мигнул, и в зал ворвались эларийцы. Слишком быстрые. Слишком слаженные. Слишком яростные.

Первый влетел в сектор как чёрная живая катастрофа. За ним ещё трое. Я почти не успевала различать лица — только движение, силу, вспышки даров. Тьма полоснула по полу и стенам. Вода взвилась жёстким кнутом и врезалась в горло одному из вайрханов. Ментальное давление ударило так мощно, что даже мне стало трудно вдохнуть.

И ещё кое-что — огонь. Он не взорвался хаосом. Он лёг по полу тонкой чёрно-золотой линией, отсек ближайшего вайрхана от группы женщин и вспыхнул только в тот миг, когда тот сделал шаг. Контролируемый. Сдержанный. Страшный.

Я подняла взгляд.

Он был огромным. Даже на фоне остальных. Широкие плечи, мощное тело, короткие чёрные волосы, резкие движения без единой лишней траты силы. В нём не было ничего декоративного — только чёрная, сдержанная, почти жуткая мощь. И глаза. Чёрные, глубокие, внимательные. Настояще чёрные.

На миг всё вокруг словно стянулось к ним. Я даже не сразу поняла, что смотрю именно на него, пока остальные уже рвали вайрханов в клочья — коротко, яростно, без права на ошибку. Один нападавший попытался уйти в сторону, но тьма настигла его раньше. Второй дёрнулся к женщинам — и чёрноволосяй элариец перехватил его в два шага, за горло, и швырнул в стену с такой силой, что у меня внутри всё вздрогнуло.

Не человек. Хищник. Настоящий.

Последний вайрхан закричал — высокий, почти нечеловеческий звук — и захлебнулся собственной кровью, когда один из ворвавшихся добил его энергетическим клинком.

Зал вдруг стал слишком тихим.

Я поняла, что всё ещё стою, только потому, что заставляю колени не сгибаться. Красный свет сирены мигал по телам на полу, по лицам девушек, по чёрным волосам мужчины, который теперь уже не сражался, а искал взглядом живых.

И нашёл меня.

Он был далеко — через ползала, через тела, кровь, разбитый металл. И всё равно мне вдруг показалось, что между нами нет ничего. Его взгляд прошёл по мне быстро, но этого хватило: оценка, опасность, контроль. И ещё что-то странное — очень короткое, вспыхнувшее глубже. Не мягкость, не жалость. Скорее резкое, хищное узнавание чего-то важного.

В груди болезненно дёрнулось сердце. Или мне показалось, что дёрнулось не только моё. После такого отката мозгу нельзя было доверять.

В следующий миг откат пришёл по-настоящему. Не болью даже — крушением. Всё, что я удерживала силой воли, рухнуло сразу. Зал накренился. Звуки отдалились. Мозг будто погрузили в ледяную воду. По телу прошла такая слабость, что руки перестали чувствоваться. Я сделала полшага назад, не зная, ищу ли опору или просто падаю.

Кто-то закричал моё имя. Кажется, не одна. Кажется, среди голосов был и Сейлар.

На краю зрения мелькнула светлая форма — его лицо, страшно спокойное. Слишком спокойное для врача, который только что увидел невозможное.

Последнее, что я увидела, — этот огромный элариец с короткими чёрными волосами и чёрными глазами. Он двигался ко мне быстро, слишком быстро для такого большого тела, и в его лице впервые проступило нечто, похожее на тревогу.

Потом пол исчез. И тьма наконец забрала меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.